18+

Владимир Положенцев

Белая метель

Жизнь за свободу

Владимир Положенцев

Белая метель. Жизнь за свободу

«Издательские решения»

Положенцев В.

Белая метель. Жизнь за свободу / В. Положенцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-606097-5

Сборник повестей и рассказов о борьбе Добровольческой армии ВСЮР «за свободную демократическую Россию», в который вошла ранее опубликованная книга «Ловушка для Махно». События разворачиваются через военную и эмигрантскую судьбу атаманши отдельной партизанской бригады полка генерала С. Л. Маркова Белой армии Анны Белоглазовой по прозвищу Белая бестия. По мотивам воспоминаний генералов А. И. Деникина, Л. Г. Корнилова, П.Н.Врангеля, офицеров-добровольцев.

ISBN 978-5-00-606097-5

© Положенцев В.
© Издательские решения

Содержание

Белая метель. Книга 1 6
Духота 6
Воззвание 11
Прорыв 24
Белая бестия. Книга 2 32
Особое задание ротмистра Бекасова 49
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Белая метель
Жизнь за свободу
Владимир Положенцев

© Владимир Положенцев, 2023
ISBN 978-5-0060-6097-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белая метель. Книга 1

Духота

Состав дернулся и наконец-то потянулся, скрепя всеми своими суставами, с узловой станции. В вагоне было душно и смрадно. Кричали дети, ругались между собой мешочники и солдаты. В Конотопе их набилось особенно много. Без погон, злые, кто-то с ружьями. То ли дезертиры, то ли перемещаются по какому-то делу. А какое теперь у них дело, кто ими командует? Новый большевистский главковерх Крыленко, этот государственный изменник? На его совести смерть генерала Духонина – честного, порядочного офицера. Николай Николаевич твердо сказал большевикам «нет», когда те по телефону потребовали немедленно начать мирные переговоры с австро-германским командованием. Собирался перенести Ставку Верховного главнокомандующего из Могилева в Киев да не успел. Вот такая же солдатня сначала застрелила, а потом разорвала в клочья его уже бездыханное тело.

На верхней полке купе 2-го класса, а теперь и не поймешь какого, тихо вздыхал и томился этими мыслями довольно полный, небритый человек. Небольшие пепельные усики и такой же еле пробивающийся пушок на голове, слиплись от пота. Одет он был в серый, обрезанный до колен армяк, какие носят спившиеся ямщики, короткие с бахромой, перештопанные штаны грубого сукна. На ногах – раскисшие, со сбитыми гвоздями на подошве, еле державшимися каблуками, сапоги. Человек как человек, каких теперь много носит лихим ветром по России. Да только опытный глаз сразу бы смог различить несоответствие между его простой, потрепанной одеждой и лицом. Нет, в нём не было ничего особенного- нос обычной славянской картошкой, выпирающий, большой лоб, вроде бы нерешительный, мягкий подбородок, словно извиняющиеся за все сразу взгляд. Но в лице присутствовала та вдумчивость и грусть, какая бывает только у людей образованных, умных и занимающих в обществе достойное место. А еще располагающая к себе доброта и заметная порядочность. Отставной директор гимназии или смотритель благотворительного заведения.

Мужчина перевернулся на спину, положил руку на покрывшийся болезненной испариной лоб. Едкий, тяжелого запаха пот, жег веки и виски. В груди давило, горло сжало спазмами. И не поймешь то ли от духоты, то ли от безысходности. Конечно, не все еще потеряно, еще можно призвать Россию к разуму, пусть насильно. Для того и едет на Дон. Но всё это напоминает какой-то дикий спектакль в провинциальном театре. Ужасные декорации, немыслимые актеры. А, главное, какой финал этого спектакля? Удивительно как всё так вмиг перевернулось. Послушные, добрые люди, истово молившиеся денно и нощно богу, превратились в сущих демонов. Безбрежная ненависть и к человеку, и к идеям. Значит, был вековой нарыв, который прорвали большевики. Они ли? А ведь и он, тогда в феврале, стоял у хирургического стола и размахивал над больной империей обоюдоострым скальпелем. Но можно же было обойтись без ножа. Это понятно теперь, когда уже навалилась беда. Нет, не беда, катастрофа. Ошибки, сплошные ошибки. И нерешительность. И обман. Керенский позвал летом генерала Корнилова разогнать большевиков. Но послушал Львова. Тот наплел ему, что Лавр Георгиевич вместе с ними повесит и его. И вместо напора, генерал сдался. А вместе с ним и остальные. И он сдался. Сидели в Быховской тюрьме, как тетерки на току, когда надо было действовать. Где теперь Лавр Георгиевич, доберется ли до донской земли? Один ротмистр в Конотопе говорил, что видел Лавра Георгиевича. Мол подошел какой-то хромой, заросший бородой старик, спросил – с ним ли полковник Гришин? Тот ответил «да» и дед немедленно скрылся в толпе с котелком кипятка. «Но я Лавра Георгиевича сразу признал, – заверял ротмистр. – Вместе в окопах,

почитай, несколько лет сидели». Но можно ли верить ротмистру, жив ли ещё генерал? Теперь каждый пребывает в призрачном, придуманном им мире. Ничто не реально, только смерть.

«Под Брежезанами нас офицеры продали, – говорил какой-то солдат в купе. Сверху мужчина мог видеть только верх его заломленной на затылок военной шапки, повязанной красной лентой. – Немцы наступать, а они деру, нас побросали да еще мосты за собой спалили». «Офицерьё такое, Лукьян, – поддакнул другой. – Никакой им веры, одна пакость. Теперь, говорят, на Дону собираются. Хотят Троцкому с Лениным пику вставить». «Куда им теперь, Семён. – Только и большевикам-то не знаешь как верить». «Землю обещают». «Обещал петух золотое яйцо снести».

Солдаты внизу захохотали, задымили кто махоркой, кто австрийскими сигаретами. Мужчина обхватил горло, чтоб не раскашляться. Повернулся на бок к стенке. Слушать солдатские разговоры было уже невмоготу. До этого они обсуждали бога, кайзера Вильгельма и царя Николая. Все трое, как выяснилось, предатели и никчемные существа. От их слов было и смешно, и страшно.

«За Корнилова тоже обещают, – заговорил снова Семён. – Я давеча на станции плакат видал. Генерал де бежал из Быхова с парой сотен текинцев, ну с джигитами». «Того сразу на перекладину», – сказал Лукьян. «Да ты слушай. Военно-революционный комитет призывает к его задержанию. За поимку награда». «Сколько?» «А я знаю? Там не написано. Уж верно не обидят. Железнодорожникам велено строго проверять поезда». «Уж они проверят. Никакого порядку. Сутками на полустанках топчемся».

На словах о Быхове человек на верхней полке сжался. Ведь не только Корнилова-то ищут. Всех сидельцев. Хорошо, что Николай Николаевич Духонин выпустить из тюрьмы успел, а так бы его горькая судьба и остальных постигла.

«Поймать Корнилова было бы славно. А лучше Керенского», – опять заговорили солдаты. «А еще лучше обоих, жирнее навар будет».

Опять дикий хохот и одобрительный топот ног, словно в вагон ворвался табун лошадей. «Чем черт не шутит, может, кто из них в нашем поезде едет. Дорога на Дон тут. Вон, морда лежит, полдня башки не поднимает».

Кто-то толкнул мужчину в спину. Он сжал в кармане револьвер. Кажется, в нём три патрона. Два в этих тупых скотов, один в себя. Обернулся, свесил голову:

– Что вам, товарищи? – спросил как можно спокойнее, но голос получился хриплым, с надрывом.

Солдаты, а их в купе оказалось человек десять, уставились на мужчину. Среди них были два матроса. На одном, пожилом, поверх бушлата -широкая кожаная портупея с большой, отчего-то пустой кобурой. «Соль он в ней что ли носит?» – подумал пассажир в армяке. Другой, совсем еще салага, был в летнем, лёгком кителе, белой бескозырке с синими лентами. «Раздели пьяного, или зимнюю форму в карты проиграл, – решил он. – Возможно, просто красуется, молоко еще на губах не обсохло»

– Не похож, – сказал салага. – Керенский да не тот.

Солдаты загоготали.

– Ты кто такой? – спросил пожилой моряк.

– Помощник начальника перевязочного отряда Александр Домбровский. Поляк, – ответил мужчина. – Из Смоленской губернии.

Сказал и прикусил мысленно губу: почему из Смоленской? Нервы. Надо держать себя в руках.

– Что-то рожа у тебя больно круглая для доктора, – сказал молодой матрос. – Поди, раненых объедал. А сапоги шикарные, царские. Махнёмся? Ха-ха.

Моряк продемонстрировал свои кожаные офицерские сапоги:

– Одному высокоблагородию жали. Ха-ха.

– Поляк из Смоленской губернии? – зацепился за слова Александра худой, желтолицый, словно от туберкулеза, солдат в широкой, явно с чужого плеча шинели. На рукаве зияла круглая дырка от пули. В ногах у него стояла трехлинейка.

– Жена Ксения из Смоленска, – соврал Домбровский. – У неё жил.

Сволочи, мародеры, – зло подумал он.

– Куда ж бабу свою подевал? В лазарете на спирт обменял? Ха-ха.

– Где-то я тебя встречал, – встал с лавки, приблизил к Александру свое обветренное, в крупных прыщах на щеках лицо, пожилой моряк. Почесал грудь под матроской. От него пахло чесноком и гнилыми зубами. Его кобура раскрылась еще больше, из нее выпал кисет. Но он даже не заметил этого. – В сентябре в Бердичевскую тюрьму вместе с комиссаром Иорданским генералов-корниловцев вез. Потом их в Быхов перевели. Ты не из тех ли офицериков? Недаром революционный комитет воззвания развесил, по поездам беглых генералов ловить. Кажется, видел тебя. Только, вроде, ты с бородой был. Нет? А ну сползай, разберемся.

Домбровский похолодел. Он моряка не помнил, мало ли конвоиров тогда сменилось. Это конец. Черт принес этого морского волка. В разных передрягах побывал, но здесь шансов нет, не вырваться. Ну пусть хоть некоторые из этих скотов перед смертью поймут, что судьба их напрасно с ним свела.

Начал взводить в кармане курок револьвера. Но тут медленно ползущий поезд дернулся, остановился.

– Что за…, – выругался моряк.

Молодой матрос стал вглядываться в пыльное окно, но в вечерних сумерках и тумане ничего разглядеть не смог. Вскоре в тамбуре послышались голоса. «Сюда заноси, да осторожнее, не стукни головой-то».

У купе, с давно сломанной дверью, появились трое человек в кожанках. Они несли на шинели раненного. Голова – в кровавых бинтах. Перевязана была и грудь какими-то тряпками прямо поверх черной авиационной куртки.

– Давай сюда, что ли.

Солдаты встали, освободили место на правой лавке.

– Комиссар наш, товарищ Эйдгер погибает. Срочно в станицу надо. Здесь врачей нет. На лошадях растрясем, не выдюжит.

Поезд на редкость мягко тронулся.

– Как это нет? – ухмыльнулся пожилой матрос. – Вона доктор, вроде, на верхней полке от безделья томится. Или ты не доктор?

Домбровский понял, что это его шанс.

Спустился вниз:

– Коротко и ясно опишите что за ранение.

– Трех офицеров на Верхней балке остановили, – начал объяснять один из «комиссаров». Ну документы у них…

– Подробности оставьте. По делу.

– Ну, по делу… Короче, один за шашку, другой за наган. Успели, падлы, махнуть и выстрелить. Мы их, конечно, порубали, а товарищ Эйдгер… Я помощник комиссара товарищ Линдгерс.

– Так. Все отсюда вон. Останьтесь только вы, – Домбровский указал на Линдгерса и пожилого матроса. – Найдите спирта или самогона.

– У кого самогон! – закричал один из затянутых в кожу комиссаров, побежал по вагону. Остальные быстро вышли.

– Окно приоткройте, духота невыносимая.

Это указание Александра выполнил матрос.

С комиссара сняли бинты, раздели. Он был в сознании, но говорил что-то бессвязное. Из его слов можно было разобрать только часто повторяемое: «… на свете много чего хорошего…» В лысой, как коленка голове, рана оказалась неглубокой, шашка содрала только часть скальпа, почти не повредив черепа. И с пулей «повезло». Она застряла во втором справа ребре, частично раскрошив его, но не сломав. Видно, смягчила удар пули, которая шла по касательной, авиационная куртка из плотной кожи.

Вскоре принесли штоф самогона. Сначала Домбровский обработал им раны, потом попросил у солдат нож. Ему дали австрийский трофейный с костяной ручкой. На смоченной самогоном и подожженной тряпке прокалил лезвие, а затем ловко подрезав часть тканей раненого, выковырял из груди смятую пулю. Она упала на пол, закатилось под лавку. Ее тут же достал товарищ комиссара, положил в карман.

Домбровский влил в рану самогона. Эйдгер закричал. Его прижали к лавке. Теперь поляк попросил солдат раскурить сигарету, прижег ею кровоточащее отверстие в груди. Комиссар на этот раз взвыл, дернулся несколько раз всем телом, затих.

– Не помер? – спросил матрос.

– И нас с вами переживет, – ответил Александр.

Разорвал на себе нижнюю рубашку, перебинтовал плотно комиссара.

– Рану на голове зашить надо, – сказал поляк. – Найдите иглу с нитками.

Довольно быстро принесли и то, и другое. Домбровский велел матросу стягивать на голове кожу, а сам быстро принялся широкими стежками сшивать её нитками. Когда закончил, обработал самогоном, перевязал. Во время этих процедур Эйдгер не издал ни единого звука. После открыл вполне осмысленные глаза: «Спасибо, товарищ». «Живите долго и счастливо», – ответил Домбровский.

Ему крепко пожал руку Линдгерс:

– Мы очень вам благодарны, товарищ. У меня нет с собой денег, но вот.

Помощник комиссара достал из кобуры револьвер, протянул Александру:

– Возьмите, от всего сердца, товарищ. Вижу, вы попали в переделку, одежда на вас потрепанная, а лицо… из дворян?

Отпираться было бессмысленно, Домбровский кивнул.

– Это даже хорошо, – неожиданно сказал Линдгерс. – Революция должна сплотить всех, только тогда мы построим новый мир.

На ближайшей станции комиссары вышли. Александра отвел в сторону пожилой матрос:

– Вот что, Домбровский. То, что ты красного комиссара подлечил, конечно, хорошо. В переделку попал? Только исподнее на тебе, которое ты на бинты рвал, чистое, генеральское. Я, брат, в этих делах ушлый. И ты, я смотрю, не промах. Так вот не промахнись в другой раз. Следи за маскарадом. Езжай с миром куда тебе надо, но мой тебе совет- ежели надумаешь с большевиками воевать, больше мне на пути не попадайся. Не пощажу. Знаю, коммунисты обманут народ. По- другому на Руси не может быть. Вам генералам, дворянам и помещикам в феврале дали шанс, но вы его профукали и нет вам более никакой веры. Теперь праздник толпы. Народ устал от духоты. Он хочет подышать очередным сладким, каким еще никогда не бывало, обманом. Хоть немного. Как кокаином, а там… все одно пропадать.

Краска залила лицо Домбровского, он забрался на свою верхнюю полку, отвернулся к стенке. Более его никто не тревожил, а он думал: это до какого же отчаяния нужно дойти, чтобы ради минутной эйфории сознательно идти на плаху. Вот ответ на то, почему всё происходит. Духота. Как там у Пушкина: «…чем триста лет питаться падалью…» Да, прорвало Россию. У того же Александра Сергеевича: «… обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад». Да, мы, генералы, скинув царя, ничего не смогли предложить взамен. А когда поняли, что Керенский и Советы ничтожество, не смогли справиться и с ними. Грош нам цена. И теперь ради очередного кокаинового опьянения черные массы пойдут на все, не остановятся ни перед чем.

А, значит, почти невозможно их будет победить. Линдгерс сказал- революция должна сплотить всех, только тогда мы построим новый мир. Может, он прав и незачем вступать в битву с большевиками? Нет, всё это лирика. Сегодня я вылечил комиссара, в этом есть символичность. Нужно вылечить всю Россию как бы она этому не сопротивлялась.

За Таганрогом в вагоне почти никого не осталось. Только двое солдат.

Поляк примостился у окна на нижней полке, задумчиво смотрел на пробегающие мимо пустые от листвы тополя. Туберкулезного вида солдат, что сидел рядом, дернул его за рукав:

– А ведь и мне ваше лицо знакомо. Кажется, видел вас в прошлом году на Румынском фронте, во второй дивизии.

Солдат подчеркнуто называл Домбровского на «вы».

– Ошиблись, любезный, – спокойно ответил Александр.

Служивый хмыкнул, но больше вопросов задавать не стал, только весь оставшийся путь постоянно на него косился.

И вот наконец Ростов. До Новочеркасска, куда и держал путь Домбровский, рукой подать. Встретились на перроне со штабс-капитаном Чунихиным, который ехал в соседнем вагоне. С ним вместе сидели в Быхове. Чунихин был одет то ли деревенским коробейником, то ли разорившимся лавочником. На ногах его и вовсе не было сапог. Обувью ему служили берестяные лапти и грязные обмотки.

– Ну как вы? – спросил штабс-капитан.

– Замечательно, – ответил Домбровский. – Успел по дороге извлечь пулю из большевистского комиссара и узнать истинную причину нынешней вакханалии от революционного матроса. Духота.

Чунихин удивленно вскинул брови:

– Вы здоровы?

– Вполне. Правда, от жуткого смрада в поезде до сих пор в груди сжимает. Но это пустяки. Мы на Дону. Слава богу, он еще не во власти черни.

Мимо проходили солдаты из купе. Домбровский их окликнул. Поманил пальцем туберкулезника:

– А ведь вы правы. Мы с вами могли видеться в 16-ом году на Румынском фронте, только наряд на мне был совсем другой.

– Неплохо бы перекусить, Антон Иванович, – сказал Чунихин поляку. -Здесь неподалеку был великолепный ресторанчик Жовтовского.

– Идемте, штабс-капитан, – охотно согласился Домбровский, которого почему-то назвали Антоном Ивановичем. – Кстати, нате вам наган, два мне карманы тянут.

Чунихин засунул револьвер за веревочный пояс. Здесь опасаться было нечего.

Солдат открыл рот, выпучил глаза. Да так с разинутым ртом и смотрел вслед направившимся в ресторан ободранцам. Потом прошептал: «Это ж Дени-икин…»

Вместо мелкого дождя, полетели снежинки. Белая метель только начиналась.

Воззвание

В штабе генерала Корнилова, что находился в обычной квартире Новочеркасского доходного дома, было полно народу. Почти все – офицеры и гражданские, курили, отчего адъютанту командующего корнету Хаджиеву приходилось время от времени приоткрывать окно. В комнату врывался свежий воздух и приносил с собой опьяняющую свежесть, такую необходимую для желтых, утомленных жизненной неопределенностью лиц. Но вскоре опять помещение наполнялось табачным смрадом. Адъютант – текинец, укоризненно качал головой. Иногда демонстративно кашлял, но это не останавливало собравшихся, они продолжали нещадно дымить. Дабы теперь на папиросы хватало. По распоряжению командования, с середины декабря офицеры стали получать по сто рублей. Солдатам пока полагался лишь паек. Хоть и тонкой струйкой, но потекли пожертвования от купечества и дворянства. Большевики нависли над Донской землей грозовой тучей.

Лавр Георгиевич сидел у высокого, с потрескавшимися стеклами окна за широким столом. На скатерти в чернильных пятнах стояли нетронутыми сразу два стакана с чаем. Генерал был в простом гражданском костюме, так же как и большинство офицеров штаба. Свежая короткая стрижка, выровненные словно по линейке, усы. Он пребывал в приподнятом настроении. Несколько раскосые, казахские глаза, светились ярким светом – наконец-то должны принять воззвание Добровольческой армии.

«Снова, как в старину, – читал с выражением и пафосом Корнилов, – 300 лет тому назад, вся Россия должна подняться всенародным ополчением на защиту своих осквернённых святынь и своих попранных прав».

Генерал сделал паузу, обвел офицеров и гражданских вопросительным взглядом. Но никто не проронил ни слова. Он одобрительно кивнул, продолжил уже без бумаги, так как знал воззвание наизусть: « Рука об руку с доблестным казачеством, все русские люди собравшиеся на Юге, будут защищать до последней капли крови эти земли, последний оплот русской независимости, надежду на восстановление свободной великой России».

Сидевший за кривоногим бюро эсер Борис Савинков, звонко помешал ложкой в стакане с чаем, несколько раз кашлянул.

– Позвольте возразить вам, генерал, – сказал он. – Казачество за нами не пойдет. Так же как не пойдут и остальные. Офицеры с фронта гуляют сейчас по ресторанам в Ростове и Новочеркасске, и им нет никакого дела до Добровольческой армии. Навоевались. О солдатах, кадетах и прочих, я уж не говорю. И главная причина тому – в нашем… движении нет революционного духа, которым пропитана вся Россия.

– Опять вы за свое, Борис Викторович, – поморщился Корнилов. – Вам ваши взгляды социалиста и бывшего комиссара Временного правительства не дают покоя. Нет уже «временных», время их ушло. Нам важно не упустить своё.

– В том то и дело – нельзя упустить своё! Я настаиваю на Донском гражданском Совете, – поднялся Савинков, расправил пальцами в золотых перстнях тонкие усики. – Россия должна знать, что здесь на Дону создается сила, жаждущая революционных перемен и ей не чужды чаяния народа. Будущее России определит Учредительное собрание. И созвать его должен Совет. Не большевистский, наш. Предлагаю включить в него бывшего комиссара 8-ой армии Видзягольского, донского агитатора Агеева, находившегося вместе со мной в ссылке Мазуренко и кого-нибудь из крестьянства.

– И тогда наше добровольческое море начнет живо наполняться людскими реками, – съязвил начальник штаба Лукомский. – Очередная утопия. Нельзя идти на поводу толпы.

– Иначе оно вообще высохнет, не успев наполниться хоть несколькими каплями, – вскинулся Савинков. – С кем вы собираетесь воевать против большевиков? Вы, господа, между

собой договориться не можете! Создали какой-то триумвират – генерал Алексеев- финансист и общественник, вы, Лавр Георгиевич – полководец, Каледин- управленец Донскими землями. Но у вас нет ни достаточных денег, ни полноценного войска, ни донских областей для надежного тыла. Вы напоминаете беспомощного дракона о трех головах, который грозится всех спалить, но не способен не только изрыгнуть огня, но даже и дыма выпустить.

От этих слов в накуренной до нельзя комнате многие подавили смешки. Улыбнулся своему случайному противоречию и Савинков.

– Да заканчивайте же в самом деле курить, господа, голова уже кругом идет, – промокнул он кружевным, словно дамским платком вспотевший нос. – Совет! Вот что нас спасет.

– Хорошо, – согласился Лавр Георгиевич, – мы этот вопрос еще обсудим.

– Пока будете обсуждать, сюда уже придут большевики.

Савинков опустился на свое место, выпил полстакана ароматного чаю. Текинец знал в нём толк, тут же долил. Посмотрел на полные стаканы на столе командующего:

– Может, лимону, Ваше превосходительство?

– Не нужно, корнет. Спасибо. Триумвират, Борис Викторович, мера вынужденная и, надеюсь, жизнеспособная.

– Не знаю, – покачал головой Савинков. – Басня Крылова про лебедя, рака и щуку. У вас даже штабы разные. Почему на обсуждении воззвания нет никого из штабов генерала Алексеева и Каледина?

На это Лавр Георгиевич ничего не ответил. Сказал генерал Романовский:

– Вы же знаете, Борис Викторович, у генерала Алексеева много забот по поиску средств, встречи с представителями союзников. Нужно покупать винтовки, пулеметы, орудия, наконец.

– У кого? У кого вы собираетесь их покупать? Склады соседних губерний забиты оружием, а вам его не позволяют брать какие-то прапорщики и юнкера. Кому они подчиняются, а? Одному богу известно. А вы сидите и разводите руками- не дают. Да какая же вы власть! Нужно действовать решительно и без каких-либо сантиментов.

– Сами себе противоречите, Борис Александрович, – возразил Романовский. – Мы же не можем идти против народа. Массы должны сами понять…

– Массы – это та субстанция, из которой можно вылепить все что угодно и направить куда угодно. Порой, правда, приходится играть по её правилам. Временно. Вот потому и нужен Совет.

В прихожей послышались шум и голоса. В комнату вошли генералы Алексеев, Деникин, подполковник Неженцев.

Командующий был в своем потёртом, длинном не по росту, осеннем пальто шоколадного цвета. Черные брюки с бахромой гармошкой спадали на военные сапоги. Острые концы белых усов обвисли. Видимо, от сильного ветра глаза прищурены больше, нежели обычно, родинка на правой щеке набухла. И не подумаешь что генерал формирующейся Добровольческой армии. Встретишь на рынке, подашь копеечку. Разве выражение лица. Михаил Васильевич знал себе цену. Ведь именно он начал в Новочеркасске «великое дело».

Когда Алексеев с группой офицеров приехал в ноябре на Дон, атаман Каледин встретил его неприветливо: «Размещать военных негде и вообще в Новочеркасске вам задерживаться ни к чему. Лучше перенести формирование добровольческих сил за пределы города». Сразу возражать Алексеев не стал. Каледин все же молодец – после большевистского переворота ввел на Дону военное положение, разогнал местные Советы, чем смог удержать относительный порядок. Но именно относительный. Войсковое правительство, взявшее на себя всю полноту государственной власти, на самом деле мало чем управляло. Савинков был прав – склады с военным имуществом и продовольствием находились в ведении каких-то многочисленных комитетов, неведомо кем созданных и для чего теперь существовавших. При любых попытках проникнуть в их закрома, охрана оказывала сопротивление. Конфликты Каледину были

не нужны и он с этим смирился. Главного же он добился – здесь не было «немецко-большевистской вакханалии», которая творилась совсем рядом, даже в соседней Екатеринославской губернии. Однако на следующий день Алексеев сказал Каледину: «Любезный Алексей Максимович, я благодарен вам за теплый прием. Но позвольте мне самому, как истинному патриоту и генералу от инфантерии, решать, где создавать Добровольческую армию». С тех пор между ними пробежала черная кошка.

Не сложились отношения у Алексеева и с Корниловым. Лавр Георгиевич добрался до Дона через месяц после Алексеева, когда добровольческая машина уже была запущена, двинулась хоть и со скрипом с места, а он, что называется, вскочил на подножку. Корнилов относился к Михаилу Васильевичу настороженно. Фаворит государя, который предал своего благодетеля. Эта темная история с телеграммой Николая II Временному правительству, в котором царь отрекался в пользу сына. Депешу Алексеев так и не отправил по назначению. Почему, для чего, куда он вообще её дел? Но главное- это Алексеев арестовывал Корнилова и его сподвижников в августе месяце после «мятежа». Правда, создал им в тюрьме хорошие условия и клялся: «принял на свою седую голову бесчестие только с одной целью, сохранить вам жизнь». Ко всему прочему ходили упорные слухи, что Алексеев принадлежит к военной масонской ложе. Что эта за ложа, какие у нее цели было неизвестно, но все равно настораживало. И разве можно такому человеку доверять?

Алексеев же считал, что Корнилов «просел», как генерал, после своей бесславной капитуляции перед Керенским. Именно тогда в августе можно было раз и навсегда покончить с большевиками, но из-за слабости характера генерал отступил и теперь Россия ввергнута в красный хаос. Да, принял предложение Керенского стать начальником штаба у главковерха, да арестовывал «мятежников», хоть и разделял их взгляды, но для их же пользы. Не посадил бы в Быхов под надежной охраной, скорее всего Лавра Георгиевича уже не было б в живых. Так что должен всю жизнь благодарить и низко кланяться.

Каледина же Корнилов воспринимал, как человека для себя загадочного и неуравновешенного. Сначала тот не поддержал Февраль, потом отказался выполнять указания Временного правительства, за что и был отправлен в отставку. Но на Дону его приняли с распростертыми объятиями, избрали Донским войсковым атаманом. И сразу после октябрьских событий в Петербурге Каледин кинул клич собираться «всем честным людям» в Новочеркасске для борьбы с большевиками.

Однако всем троим приходилось мириться друг с другом, потому как все они имели большой авторитет- Алексеев и Корнилов у боевых офицеров, Каледин- среди донских казаков.

Офицеры встали в приветствии. Поднялся со стула и Корнилов, слегка кивнул.

– Извините, что без приглашения, Лавр Георгиевич, – сказал Алексеев, отдавая пальто корнету Хаджиеву. Тот сразу предложил чаю. – Не помешаем?

Корнилов покраснел, явно стушевался.

– Мы… посылали, но видно… Обсуждаем воззвание, Михаил Васильевич.

Со стула аж подскочил Борис Савинков:

– Замечательно, что вы пришли. Я требую выдать мне мандат на право вести переговоры с демократическими силами в Москве от имени командования Добровольческой армии. Собирать для нашей борьбы офицерство и всех честных людей.

– Требуете, значит, – ухмыльнулся Алексеев. – А позвольте узнать, сколько вам на то понадобится денег? – Ответа ждать генерал не стал. – Так вот, любезный Борис Викторович, средств на это у нас нет. Ежели по доброй воле, то извольте, бумагу дадим.

– Не понимаю… Не понимаю, – чеканил каждое слово Савинков, обескуражено качая головой. – На всяких проходимцев у вас деньги находятся, а на доброе дело… То господин Корнилов щедро отсыпает монеты какому-то сотнику Грекову, который набрав на них банди-

тов, грабит людей и обозы под Ростовом, то объявляется некий черкесец Девлет-хан-Герай, обещая поднять за 750 тысяч рублей горские народы. Не понимаю, господа, это выше моих сил.

– Денег мы черкесцу не дали, – сказал Корнилов. – Их опять же просто нет.

– Да, положение с финансами сложное, господа, – с благодарностью принял стакан чаю от корнета Алексеев. – Но основная проблема, конечно, люди. Алексей Максимович Каледин мне доносит, что из донских казаков под наши знамёна готовы встать лишь 149 человек. И записываются в основном мальчишки, господа.

Корнилов мысленно поморщился – ему, ведите ли доносят… не армия, а клуб по интересам. Но виду, конечно, не подал, внимательно слушал. Генерал Алексеев продолжал:

– Один юноша приписал себе аж 2 года к 14, а когда за ним прибежала мать, он залез под кровать, расплакался и ни за что не хотел выбираться. Даже дети готовы встать в наши ряды. Однако нам нужны опытные бойцы. Пока мы располагаем 2—3 тысячами штыков, главным образом из офицеров Южного и Юго-западного фронтов.

Корнилов, конечно, знал эту цифру, но она была приблизительной. Офицеры приходили, а потом, получив месячное жалование в сто целковых, пропадали. Объявлялись, как и говорил Савинков, в новочеркасских или ростовских кабаках пропившиеся, промотанные, а то и побитые. И некому эти разгулы было остановить. Следовало срочно создавать комендантскую роту. Но какие права она бы имела? Офицеры пока никому не присягали. Просто добровольцы. С этим пора заканчивать, думал Корнилов, без дисциплины и жестких требований ничего не получится. А, главное, пора привлекать их к делу. Большевики скоро будут у Ростова. Придется брать и мальчишек. Что ж, каждый имеет право в этот трудный час защищать родину и честь.

– Поэтому я и пришел к вам, господа, без… церемоний, – говорил Алексеев. – Предлагаю в воззвании усилить моральную составляющую нашего дела. Люди просто не понимают чего мы хотим, многие поверили большевикам. Следует четко прописать: Добровольческая армия должна стать на страже гражданской свободы истинного хозяина земли русской- ее народа. И через Учредительное собрание выявит державную волю свою. Перед этой волей должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ну а в конце: вставайте в ряды российской рати, все, кому дорога многострадальная Родина, чья душа истомилась к ней сыновней болью.

Кто-то зааплодировал.

– Я позволил себе, господа, процитировать часть текста воззвания, который составил многоуважаемый Антон Иванович Деникин. Он сейчас пишет Конституцию. Думаю, никто возражать против этих слов не будет.

Никто возражать не стал. Черновой вариант воззвания штаба Алексеева уже многие видели. Все ждали что еще скажет Михаил Васильевич, не за этим же только он пришел к Корнилову да еще с Деникиным и подполковником Неженцевым. Последний был назначен командующим Корниловского полка, но к неудовольствию Лавра Георгиевича, не отходил от Алексеева.

– Слова замечательные, – подал голос Савинков. – Но они только и остаются словами, если ничем не подкреплены. Я все же надеюсь получить мандат и…

– Ладно. Мы изыщем для вас некоторые средства, Борис Викторович, – оборвал Савинкова Алексеев. – Вы, эсеры, умеете добиваться своего и всегда одерживать верх.

Последние слова прозвучали с явной издевкой. В партии эсеров в свое время состоял и Керенский. Правда, позже возглавил трудовиков, но продолжал себя считать именно эсером.

– Позвольте! – взвился Савинков. Он понял, куда было нацелено острие Алексеева. – Большевиков проспали не только мы. Вы, господа генералы, сделали все, чтобы…

Корнилов решительно поднялся, постучал по столу, несколько расплескав один стакан:

– Прекратите, господа, сейчас не то время, чтобы устраивать дрязги. Мы все, слышите, мы все виноваты в том что произошло! И я не снимаю с себя основной груз ответственности. В августе нужно было идти до конца, – он с вызовом посмотрел на Алексеева, но тот взгляда не отвел, – а теперь декабрь. Декабрь, господа!

Повисла тишина. Корнилов замешкался, потом обернулся на начальника своего штаба Лукомского:

– Александр Сергеевич, будьте любезны, доложите нам что с артиллерией.

Генерал встал, оправил видавший виды китель без погон. В некоторых местах он был аккуратно заштопан. Огладил «царскую» бородку с усами.

– Мы вынуждены, господа, порой действовать самыми…, – он долго подбирал нужные слова, – неблаговидными методами. Это вам господин Савинков. К тому, что вы учили нас не стесняться в средствах. Извольте слышать, мы и не стесняемся. Два орудия мы, хм… взяли у 39-ой дивизии, что самовольно оставила Кавказский фронт и устроившую в Ставропольской губернии Содом и Гоморру. Попросту украли, да. Юнкера постарались. Еще одну батарею позаимствовали на донском складе. Упросили комитет выдать пушки для отдания почести погибшим товарищам и просто не вернули. Полковник Тимановский пытался купить за 5 тысяч рублей батарею у вернувшихся с фронта казаков. Но донцы неожиданно отказались от сделки. Войсковой штаб почему-то решил, что их батарею распускать рано. С кем и на чьей стороне они собираются воевать, непонятно. Но самое прискорбное другое. Кубанский атаман согласился передать нам десять орудий в Екатеринодаре. Мы послали туда около 40 офицеров и юнкеров. А на станции Тимашовской вагон с добровольцами окружили казаки, разоружили, прицепили к другому составу и отправили к большевикам в Новороссийск. Нескольким юнкерам удалось бежать, они и рассказали о… неудаче.

Корнилов подошел вплотную к Лукомскому, взглянул на него своими острыми, как азиатские клинки глазами:

– Это не неудача, генерал, это позор. Как можно было поступить так неосмотрительно?! Вы же знаете, что под Екатеринодаром казачий разгул. Почему не поставили в известность меня? Нужно было выбрать другой путь.

– Виноват, Ваше превосходительство.

– Оставьте «ваше превосходительство», Александр Сергеевич. Мы теперь все просто солдаты родины. И не имеем права неосмотрительно жертвовать своими товарищами. Сколько у нас всего орудий?

– Двенадцать батарей, ваше… Лавр Георгиевич.

– Что вы по этому поводу думаете, Митрофан Осипович? – обратился Корнилов к подполковнику Неженцеву.

– Еще несколько пушек можно взять у казаков запасного полка в станице Задонской. Они вроде бы готовы вступить в наши ряды. 35 человек.

– Вроде бы… Ну что ж, не числом так умением, как говорил Суворов. Есть сведения из Петербурга?

К столу Корнилова подошел генерал Деникин. Он выполнял обязанности помощника Алексеева. На нем был вполне приличный цивильный костюм. За полторы недели, пока он добирался до Новочеркасска, обноски, в коих генералу приходилось маскироваться, вызвали в нем такое отвращение, что сразу по приезду на Дон, купил себе добротную одежду. Выбирала ее невеста Деникина Ксения Чиж. Она появилась на Дону почти вслед за ним. Теперь Антон Иванович выглядел, в отличии от других штабных добровольцев, сущим франтом. Но его не оговаривали – генерал собирался жениться, а жениху даже в тяжелое время не следуют выглядеть неприлично.

Антон Иванович поправил зеленый в крапинку галстук, заколотый на воротнике снежно-белой сорочки серебряной булавкой, заложил руки за спину:

– Из Петербурга поступает информация, что большевики продолжают переговоры с немцами в Брест-Литовске о мире. Ведет их Троцкий с бароном Кюльманом и генералом Гофманом. Он предлагает отвести армии к границам 1914 года и вывести немецкие войска с оккупированных территорий России. В свою очередь немцы настаивают на предоставлении государственной независимости Польше, Литве, Курляндии, Эстляндии и Лифляндии, выводе русских войск из Турции и Персии. По нашим сведениям Литовская тариба уже заявила о независимости Литовского государства, а в Брест-Литовск, с согласия немцев, направляется делегация украинской Центральной рады. Нет никаких сомнений, что вскоре будет создана марионеточная Украинская республика, которая устроит и немцев, и большевиков. Немцы наверняка предъявят еще кучу дополнительных требований. Но Троцкий и Ленин согласятся на любой, хоть и унизительный для России мир. У них нет другого выбора. А нам придется противостоять и большевикам, и новоиспеченной Украине, и немцам.

– Для чего же кайзеру нужны эти независимые государства, неужто он печется о благе народов? – задал вопрос генерал Романовский.

– Все очень просто, Иван Павлович. Германия в бедственном положении и понимает, что война для неё проиграна. Ей нужно довершить план развала России, начатый с переброски большевиков и прочей террористической нечисти летом из Швейцарии. Что же касается Украины… Открыто она выступать против нас не будет, но, боюсь, может нанести удар в спину в самый неподходящий момент. Некоторая надежда на генерала Скоропадского. Он со своим национальным украинским батальоном, который вы, Лавр Георгиевич, в августе и создали, теперь где-то под Киевом. После ухода немцев он, возможно, попытается взять власть. Но это только предположения.

Офицеры молчали. Тяжелый сизый дым от папирос поднимался к потолку, обволакивал стены с отклеившимися обоями, словно в комнате подожгли дымовую шашку. Как на фронте. Но там было все понятно – здесь наши позиции, там – неприятеля. А теперь получается враги кругом, а противостоять им фактически нечем. Только идеей и желанием.

– Я хорошо знаю Павла Петровича Скоропадского, – заговорил, наконец, Корнилов, – если бы он взял власть на Украине, это было бы нам на руку. Наша же сегодняшняя задача, Антон Иванович, разъяснять людям всю пагубность и преступность немецко-большевистских предателей родины. Думаю, этот момент нужно усилить в воззвании.

– По моим сведениям, – подал голос Савинков, – среди большевиков нет единства

по мирному договору с немцами. Тот же Троцкий не хочет идти им на уступки, но Ленин его упорно ломает. Дай бог, на этой почве они перегрызут друг другу глотки.

– Дай то бог, – тяжело вздохнул Корнилов.

Эти же слова повторили чуть ли ни все.

– В казне нашей армии сейчас около 2 миллионов рублей, – продолжил генерал Деникин. – По нынешним ценам, этого едва хватит на обмундирование, оружие и патроны для 3 тысяч добровольцев. Мы держим связь с союзниками и рассчитываем на денежную помощь. В их интересах финансировать армию, которая после разгрома большевиков продолжит борьбу с кайзеровской Германией.

– Не знаю, – пожал плечами Корнилов. – Союзники никогда не были нам друзьями, только временными попутчиками. А уж если вспомнить Крымскую войну… При первой возможности растерзают. Но другого выхода у нас нет. В пустое они вкладывать не будут. Нужно показать на что мы способны самыми решительными действиями и в самое ближайшее время.

– Как же с Донским гражданским Советом? – принялся за свое Савинков.

Корнилов с неудовольствием посмотрел на эсера. Его взгляд перехватил генерал Алексеев.

– Мое мнение, нужно поддержать предложение Бориса Викторовича о создании Совета, – сказал он.

Савинков уже несколько дней утомлял Михаила Васильевича этой идеей. А теперь, как выяснилось, упорно донимал и Корнилова. Совет так Совет, во что бы не играть, главное чтоб на пользу дела.

– Может, и в самом деле этот шаг пополнит наши ряды, – озвучил Алексеев свои мысли. – Еще раз подчеркиваю – пока не встанет на сторону добровольческого движения весь народ, мы не победим. Что ж, раз люди заражены революционными идеями, так пусть получат то, чего хотят. Несколько цинично, но…

– Логично, – закончил за генерала Корнилов.

– Ну, что-то вроде того.

– Я тоже пришел к такому выводу, Михаил Васильевич.

– Очень рад, что наши взгляды совпадают, Лавр Георгиевич.

– И я доволен тому безмерно.

Офицеры даже перестали затягиваться папиросами, пристально всматривались в лица Корнилова и Алексеева. Лукавят или говорят искренне? Что за войско, если в нем нет единства и взаимопонимания среди командиров? Такая армия обречена изначально.

– Ах да, – как бы вспомнил генерал Алексеев. – Я ведь еще вот по какой причине зашел… Некоторых офицеров моего штаба подозревают в том, что они якобы называют вас диктатором и даже готовят на вас покушение. Я провел беседу с теми, на кого мне указали. И они искренне, повторяю, искренне меня заверили в глубокой симпатии и уважении к вам, Лавр Георгиевич. Надеюсь, недоразумение исчерпано.

– Полностью, Михаил Васильевич.

За окном раздались выстрелы и крики. То ли кого-то грабили, то ли кто-то просто палил из нагана и вопил с пьяных глаз.

Обычные декабрьские дни в Новочеркасске, где зарождался «оплот русской независимости».

На следующий день воззвание Добровольческой армии появилось в газетах. Белая метель усиливалась.

Ледяная цепь

Лед на реке Раба вспух, местами потрескался. Не выдержит артиллерию и телеги со снарядами. Пушек-12, боеприпасов к ним около 700. Весна накатывалась с неудержимой поспешностью на кубанскую землю. Но спешить нужно было и алексеевцам – успеть отдохнуть в южных станицах или черкесских аулах, чтоб со свежими силами двинуть на Екатеринодар.

Разъезд Офицерского полка генерала Маркова пытался найти более крепкий лед близ станицы Некрасовской, но нарвался на красных матросов. Отступили с двумя легкораненными. При этом удалось уложить несколько большевиков.

Командующий советскими войсками на Кубани Сорокин, назначенный на эту должность в начале месяца, уже какой день наступал на пятки. Иногда его отряды совершали дерзкие налеты на колонну Добровольческой армии с разных сторон. Но всегда получали достойный отпор. Красных не преследовали, а те не ввязывались в прямые бои. Видно ждали когда силы добровольцев иссякнут. И это была верная тактика. Измученные, полуголодные, плохо одетые офицеры, солдаты, кадеты, юнкера и студенты слабли с каждым днем. Порой и между ними возникали конфликты. Особенно задирались друг на друга кадеты и студенты. Пару раз самому генералу Корнилову приходилось показывать им кулак.

Иногда пленили матросов и казаков. Первых сразу пускали в расход- «иди, плавай теперь по небу». Не от злобы поступали так. Как считали- по справедливости. От рассказов местных крестьян о бесчинствах «морячков» по станицам и хуторам у алексеевцев шевелились волосы. Только за то, что те продавали Добровольческой армии продукты, или кто-то из села вступил в ее ряды, людям -старым и малым вспарывали животы, выкалывали глаза, закапывали в землю живьем. «И откуда в русском человеке взялась эта звериная злоба? -сокрушался помощник

Алексеева генерал Деникин. – Чернь душит Россию». Боясь мести большевиков, крестьяне отказывались продавать добровольцам припасы, пускать их на ночлег. Приходилось вести долгие переговоры с атаманами станиц, чтоб разместить до утра военных и гражданских. Платить за это немыслимые деньги, которых было в обрез.

Среди пленных казаков попадались земляки, порой родственники добровольцев. Шурин – шурину приставлял к шее заточенную, как бритва шашку: «Ба, Михайло! Что же ты, жидо-большевикам продался?» «А ты генералам – кровопийцам пятки лижешь, иуда!» И свистели шашки – а куда их, пленных, кормить ведь надо, у самих лишь крошки по карманам.

Но не все, попавшиеся в руки добровольцев, были столь смелыми и дерзкими. Некоторые просились принять их в «белую» армию. «Белыми» стали называть себя сами офицеры – алексеевцы. Белый цвет – символ чистоты, правды, истиной власти, порядка и единения с Богом.

И брали. А что делать? Всё Добровольческое войско насчитывало не более четырех тысяч человек, среди которых чуть ли не треть – безусые юнцы. Юнкера да кадеты. В Ростове «гуляли» после возвращения с германского фронта тысячи офицеров, но записываться в ряды Алексеева и Корнилова не спешили – «Снова идти на войну? А, может, красные не такие и страшные, может, ничего, обойдется?» – вопрошали они друг друга за штофом водки в прокуренных кабаках и ресторанах.

Верховный руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев был категорически против отхода на отдых. Предлагал сходу занять Екатеринодар. «Это поднимет авторитет нашего дела, Лавр Георгиевич, – обращался он не раз к командующему армией Корнилову. – Привлечет в наши ряды офицеров и солдат с фронта, казаков наконец». Корнилов отвечал очень резко: «Занимайтесь управлением и снабжением армии, Михаил Васильевич. А военную тактику и стратегию позвольте выбирать мне». Алексеев краснел до корней волос: «Вы командующий, вам и решать, Лавр Георгиевич». «Вот именно».

В Усть-Лабинске, перед переправой через Лабу, Корнилова пытались убедить в необходимости повернуть на Екатеринодар генерал Деникин и начальник штаба Алексеева Романовский. Но генерал был непреклонен – двигаемся на юг.

А на следующий день в случайно попавшейся советской газете прочитали, что красные в начале марта уже взяли Екатеринодар. Атаман Покровский сдал большевикам его без боя. Корнилов показал газету Алексееву и Деникину. «Вот, господа, если бы мы пошли на Екатеринодар, то непременно потерпели фиаско. Теперь рисковать и подавно нельзя». И немного подумав, добавил: «Накануне, Михаил Васильевич, я был с вами… несколько неучтив. Простите. Нервы на пределе». «Никакой неучтивости с вашей стороны, Лавр Георгиевич, не было, – ответил, глядя в сторону, Алексеев. – Обычный разговор двух солдат».

Когда командующий армией ушел, Деникин сказал Алексееву: «Не на пользу дела ваши разногласия с генералом, Михаил Васильевич. Теперь же Лавр Георгиевич прав – на Екатеринодар сразу идти нельзя. Следует отдохнуть». «Спасибо, Антон Иванович», – непонятно за что поблагодарил Деникина Алексеев. – «Но в Закубанье мы окажемся в сплошном большевистском окружении».

Так и случилось. Теперь красные избрали тактику мелких укусов- по десять-пятнадцать кавалеристов нападали на отставшие обозы с продуктами и раненными, растянувшиеся на несколько верст, разрозненные отряды армии.

Чем южнее, тем меньше становилось снега в степи. Сани и телеги скрипели по камням, проваливались в неимоверную грязь. Она чавкала под размочаленными сапогами офицеров и кадетов, ботинками солдат, юнкеров и студентов. Армия, больше напоминала колонну дезертиров. Двигалась молча, словно обреченно.

Во вторник пошел сильный дождь. Люди промокли до нитки. Река Бзюк оказалась вскрывшейся ото льда. Пришлось искать брод. По пояс в воде начали переплавляться.

А к вечеру похолодало так, что одежда превратилась в ледяные панцири. Окоченевшие пальцы еле удерживали винтовки.

«Ничего, – подбадривал бойцов Романовский, – скоро станица, там и заночуем».

Однако разведчики доложили, что в Ново-Дмитриевской большевики. С левого фланга их артиллерия. Численность не известна. Пойти в лобовую- погибнуть от шрапнели. Остаться до утра в степи – замерзнуть. Выбор невелик. Обойти нельзя – там река Водогай, еще одного «купания» люди не выдержат.

Совещание командующих получилось спонтанным. Поставили в круг сани и телеги, на которых ехали генералы и командиры отрядов. Все мокрые, прозябшие. Гражданская одежда Антона Ивановича Деникина- пальто, фетровая шляпа, полосатые брюки- потеряли форму, висели как тряпки старьевщика на широкой палке. Перед выходом из Ростова потерялся его чемодан с военным обмундированием. Времени на поиски не оставалось, пришлось надеть, что имелось. И уже в первые часы он еще раз убедился, что цивильная одежда совсем не годится для военных походов. Впрочем, и офицерская теперь никого не спасала.

– Что будем делать? – спросил генерал Корнилов, согревая дыханием ладони.

Вопрос адресовался ко всем, но никто не отвечал – на таком холоде с трудом шевелились не только руки, но и мозги. Начальник штаба армии Романовский после долгих раздумий предложил произвести обстрел окраины станицы с десяти орудий, а потом со стороны слияния рек Бзюк и Шебш тремя отрядами кавалерии ворваться в неё.

– Мы не знаем, сколько в станице красных, может, справа у них как раз основные силы, – сказал генерал.

– С чего бы им там быть? – возразил Романовский. – Вряд ли они нас тут особо ждали.

– Гадала девка на кофейной гуще. Положим за так людей, не восстановимся. Первый поход окажется для Добровольческой армии последним.

– Все одно люди в степи померзнут. Останавливаться нельзя.

– Нельзя, – согласился Корнилов.

Деникин сильно закашлялся, несколько дней назад он здорово простудился. Военный лекарь Шторкер сказал, что это бронхит. Антон Иванович из последних сил сдерживал хворобу.

– Не сомневайтесь, Лавр Георгиевич, – вступил в разговор командир ударного Корниловского полка полковник Неженцев. В полковники за ряд успешных операций он был произведен прямо во время похода. – Большевики и глазом не успеют моргнуть, как мы в станице окажемся.

– Хотел бы напомнить где нужна безрассудная стремительность, Митрофан Осипович, – сказал генерал Марков Неженцеву. – Когда вас одолевают окопные вши. А в военном деле главное- разумный подход и выверенность действий.

– Благодарю за напоминание, Сергей Леонидович, – поклонился Маркову полковник. – Вам виднее как бороться с насекомыми. Предполагаю, только с насекомыми.

– Оставьте, господа! – неожиданно повысил голос всегда спокойный генерал Деникин. – Хорошо, что вас не слышит командующий.

Михаил Васильевич Алексеев тоже неважно себя чувствовал, спал теперь после принятого лекарства в крытой повозке в конце колонны. Его не стали будить.

– Что за пикировка в столь трудный час! – продолжал укорять офицеров Антон Иванович. -Оставьте, господа, распри. Очень вас прошу. У меня предложение провести разведку боем станицы с трех направлений. Группами по десять-пятнадцать человек, не более. Откуда получим самый интенсивный огонь, туда и направим стволы наших пушек. И туда же устремим главный удар. Я тоже не думаю, что Ново-Дмитриевскую враг укрепил, как немецкий бастион. Большевики знают, что мы идем на Екатеринодар, но несколько раз наш путь менялся и вряд ли они успели перебросить войска нам навстречу. По нашим данным у комиссара

Сорокина не более 30 тысяч штыков. Основные его силы сосредоточены в Донецком бассейне и у Екатеринодара. Он опасается не только нас, но и партизанских отрядов погибшего атамана Каледина. Царство ему небесное.

Все перекрестились. И тут неожиданно у повозок появился небольшой, курносый старичок в мятой шинели. Его печальные глаза были устремлены на облепленные грязью сапоги.

– Что же это вы, господа, без меня дела обсуждаете, я уже не в счет?

– Не хотели будить, ваше превосходительство, – ответил за всех Неженцев.

– Благодарю покорно за заботу. Но, думаю, как член триумвирата, имею права знать все что происходит в армии.

Корнилов подумал, что сейчас Алексеев скажет- в созданной мной армии, но не услышав этих слов от генерала, про себя усмехнулся- а ведь наверняка на языке это у «старичка» вертелось. Армия… сплошные калеки, только он способен привести ее к победе.

К повозкам подошли несколько студентов и два юнкера. Все заляпанные грязью, с красными, мокрыми носами. Правда, фуражки сидят ровно, с достоинством.

– Юнкер Лесин, – представился один из них. – Разрешите обратиться, ваше превосходительство.

– Не видите командующий проводят совещание? – поморщился Неженцев. -Никакого уважения.

– Срочное дело.

– Оставьте, полковник, – сказал Корнилов. – Слушаю вас, юноши. Что стряслось?

– Если мы двинем напрямую в станицу, нас всех положат.

– Это мы уже поняли. Всё?

– Нет, господин генерал. Мы слышали, что батарея красных с краю станицы. Мы подберемся к ней и забросаем гранатами. Вот.

Юнкер Лесин вышел вперед, распахнул шинель. За его ремень были заткнуты четыре ручные гранаты Р-14. Юнкера отодвинул высокий, худой, с таким же чахоточным, как у героя Достоевского, лицом студент. И он продемонстрировал свой запас гранат Рдултовского. Остальные юноши похлопали себя по бокам, давая понять, что и они не пустые.

У Корнилова неимоверно округлились казахские глаза. Алексеев начал чесать свою родинку на щеке. Деникин закашлялся.

– Откуда у вас столько? – спросил Романовский.

– У матросов пленных взяли. Комиссары и очухаться не успеют, как на небесах окажутся.

– И как вы собираетесь подобраться к красным?

– Со стороны реки. Вброд перейдем, я знаю эти места. У Сухой балки можно.

– А ежели вас заметят? – спросил Корнилов. – Надеяться на случайный успех мы не можем.

– Но и ждать благосклонности небес тоже не имеем права, – сказал студент. -Позвольте представиться, ваше превосходительство, Иван Подмёткин. – Не займем до утра станицу, все погибнем. Красные наверняка уже за подкреплением послали.

– Гляди-ка, какие стратеги! – покачал головой генерал Марков. – А что, коль выгорит…

Корнилов подошел к студенту и юнкеру, приобнял их:

– Господи, каких героев родит земля русская. Спасибо вам, сынки, заранее. От имени всей России. Дай Бог вам удачи. Действуйте, будем ждать вашего сигнала. Полковник Неженцев, выдайте юношам… воинам ракетницу.

– Не надо, – засмеялся юнкер Лесин, вынул из кармана немецкую трофейную ракетницу. – Все уже продумали. Дадим зеленую ракету. Впрочем, итак услышите.

Юнкера и студенты, весело переговариваясь, исчезли в полутьме. Некоторое время офицеры сидели молча.

– Вот, господа, еще одно свидетельство того, что у нас правое дело, – произнес, наконец, генерал Корнилов. – В нас верит молодежь и готова идти на смерть ради свободы.

И вдруг увидел, что мимо «собрания», которое проходило почти в голове армейской колонны, словно тени бредут офицеры и солдаты. Молча, ни на кого не обращая внимания, скрываются за холмом впереди. Лавр Георгиевич даже раскашлялся, как Деникин.

– Куда это они, Сергей Леонидович? Кажется, ваши.

Генерал Марков встал во весь рост на телеге. На его лице изобразилось полное недоумение. Он не знал что ответить.

– Не понимаю, – наконец пробормотал он.

– А кто понимает?! – закричал Корнилов. – Неженцев, Романовский!

Те соскочили с повозок, стали хватать за рукава первых попавшихся добровольцев. Но те, словно зомби, ни на что не реагировали.

– Кажется, на станицу пошли, – сказал Неженцев.

– Что значит «пошли»? Кто приказал?! Остановить!

Но бойцов было много, они двигались толпой, неудержимой лавиной. Шли на почти не гнущихся ногах, будто на ходулях.

Неженцев вскочил на коня, дернул поводья так, что поднял черного скакуна на дыбы. Потом помчался на холм. За ним устремились Романовский и Марков. Генералы Алексеев и Корнилов, путаясь в полах заледенелых шинелей, поспешили на возвышение пешком. Деникина разобрал дикий кашель. Его накрыл шинелью адъютант. Генерал велел везти его на телеге на холм.

Сверху, в полусумраке открылась удивительная картина. По широкому полю, вдали которого еле просматривались домики и куреня станицы, двигались кучками добровольцы. Винтовки за плечами, они даже и не думали о их применении.

Вероятно, дошедшие до отчаяния люди, решили что лучше быстрая смерть под шрапнелью и пулеметами, нежели медленное замерзание в степи.

– Сделайте же что-нибудь! – крикнул в отчаянии Корнилов. – Нельзя гурьбой, цепью!

– Цепью! – подхватил Неженцев.

– Разберись цепью на три сажени, цепью! – крикнул и Марков, поскакал к неуправляемым добровольцам.

Наконец, слова командиров дошли до замерзших бойцов, они стали вытягиваться длинной линией. Однако винтовки наизготовку почти никто не брал. Так и двигались как на прогулке.

– Орудия, орудия на холм выкатывайте! – приказал Корнилов.

Пока разбирались где пушки, пока втащили на нужно место две из них, в небе появились несколько белых шрапнельных разрывов. Они вспыхивали в стороне от поля, по которому шли добровольцы. Видно, большевики заметили наступающих. Однако подобная молчаливая атака стала для них неожиданностью, они растерялись. «Сейчас возьмут себя в руки и станут бить уже прицельно», – Романовский незаметно перекрестился.

С левой стороны станицы застрочил пулемет. Но добровольцы не отвечали, лишь некоторые взяли винтовки на изготовку для штыковой. Когда до окраины Ново-Дмитриевской оставалось совсем немного, некоторые бойцы побежали вперед с криками, которые невозможно было разобрать. Этот крик слился в один гул.

– Отставить орудия! Марков, где Марков?! – кричал Корнилов.

Но генерал Марков уже взял инициативу в свои руки. С тремя кавалерийскими отрядами Корниловского полка он вброд перешел реку, помчался по левому берегу, выскочил на дорогу и с нее ворвался в станицу.

Здесь укрепления красных оказались довольно жидкими – две батареи и человек сорок казаков. После нескольких выстрелов по алексеевцам, подняли руки. Пулеметы же с левой сто-

роны станицы не смолкали. Изредка била артиллерия. По раскатистому, шелестящему звуку – шрапнелью.

Стемнело уже совсем, пошел снег с дождем и отыскать, откуда точно стреляют было трудно. Каждый выстрел- гибель бойцов Добровольческой армии.

И вдруг несколько тяжелых взрывов. Пулеметы стихли. Смолкли и пушки неприятеля.

В центре станицы началась каша – кто, где и чей разобрать было невозможно. Марковцы рубили всех без разбору, кто попадался под руку. Добровольцы, врывались в дома, выволакивали всех, кто там был на улицу. Стреляли, рубили, таскали за волосы, били головами об стены.

Прискакал с адъютантом Хаджиевым Корнилов.

– Прекратить! Немедленно прекратить вакханалию! Мы не бандиты, а освободители!

Адъютант несколько раз выстрелил из револьвера в воздух. Но это сразу не остановило бойцов, они находились в нервном перенапряжении. «Столько товарищей покосили эти „жидо-большевики“. Никому пощады не будет».

Приволокли упирающегося атамана станицы Филимонова.

«На кого руку поднял, собака!», – пинали его солдаты. Но Корнилов спас атамана от расправы, сказал, что разбираться будет утром, а сейчас все по хатам, греться.

Тем не менее стрельба в станице не смолкала до утра. Только часам к шести в Ново-Дмитриевскую вошел последний обоз Добровольческой армии.

Корнилов, Алексеев и Деникин, несмотря на смертельную усталость всю ночь не спали. Полковник Неженцев им рассказал, что артиллерию и пулеметные расчеты красных забросали гранатами студенты и юнкера.

– Герои, – вздохнул он. – Тот юнкер… как его… Лесин, первым бросился на большевиков. Подорвал себя вместе с ними.

– Остальные-то живы? – спросил Корнилов.

– Так точно, ваше превосходительство.

– Приведите их сюда.

Генералы обнимали «героев», называли их спасителями Добровольческой армии. Корнилов приказал каждому выдать по три месячных жалованья и обещал после взятия Екатеринодара наградить. Чем, правда, непонятно. Царские награды уже не годились, новых пока не было.

Утром генерал Корнилов вышел на площадь станицы. Там под дулами винтовок добровольцев на коленях стояли плененные большевики. Их было около сотни. Среди них немало офицеров. Лица бледные, осунувшиеся. Генерал велел поднять их с колен, обошел строй.

– Нас, добровольцев, воюющих за свободную Россию, всего несколько тысяч- сказал наконец Корнилов-. Вас же миллионы. Тучи обманутой черни. Моральной черни. Но мы вас сегодня разбили. И будем бить впредь, потому что на нашей стороне Бог и правда. А за что и за кого воюете вы? За жидо-комиссаров? Они вам ближе? Что вам обещают? Землю, мир и свободу. Не получите ни того, ни другого. Предатели всегда получают по заслугам. И вы получите. Предать полевому суду, – сказал генерал полковнику Неженцеву.

Некоторые пленные опустились на колени: «Простите, Лавр Георгиевич! Ничего не знали о Добровольческой армии». «Бес попутал». «Насильно удерживали, обещали семью расстрелять».

Корнилов презрительно оглядел пленных, нервно встряхнул головой, пошел прочь. За ним поспешил адъютант Хаджиев. Один из пленных ухватил его за полу шинели: «Хан, мы ж с тобой одной крови!» «Ты одной крови с шакалом», – ответил корнет.

Полевой суд, который состоялся днём, признал пленных невиновными. И оправдал. Неженцев сплюнул – так навоюем. Корнилов, как ни странно, отнесся к решению суда спокойно. «Может, и правильно. Не следует начинать великое дело с крови. Узнают о нашем милосердии, к нам потянутся», – сказал он генералу Алексееву.

Михаил Васильевич долго смотрел в окно штаба, который устроили в той хате, которую заняли ночью. «С крови, конечно, начинать не хорошо, Лавр Георгиевич. Да только на милосердии армия не держится. Лишь на порядке, дисциплине и жесткости. Чем грозит сердобольная демократия армии, мы узнали на германском фронте. Половина из этих пленных решила записаться в Добровольческую армию. Но единожды предавший, предаст и в другой раз».

«Вы слишком категоричны, Михаил Васильевич, – сказал генерал Деникин. – Армию на фронте разъела не демократия, а неопределенность идей и целей. За что гибли солдаты? За Константинополь, за парад в Берлине? Теперь же на кону родина».

«Дай Бог, Антон Иванович, чтобы люди это наконец поняли. Что на кону родина. Большевики заключили мир с Германией. Создали Украинскую державу. Отринули Прибалтику и Туркестан, сколько же нам понадобится сил, чтобы снова собрать всё воедино. Эх… Но мы справимся. Я верю, господа, что мы непременно справимся».

К вечеру в штабе собрались командующие, командиры полков и отрядов Добровольческой армии. Предстояло решить, когда и как следует начать наступление на Екатеринодар-главную цель похода, который многие уже окрестили ледяным.

За окном тесной хаты началась настоящая зимняя метель.

Прорыв

Снаряды взрывались вокруг фермы и в роще всю ночь, не давая Лавру Георгиевичу заснуть. Только прикорнул под утро на охапке сена, принесенной вечером в тесную, двухметровую комнату поручиком Хаджиевым, и вот опять. Рвануло где-то у кузницы, послышались сначала голоса, потом истошный крик. Вышел.

Во дворе, огороженном только с реки Кубани низеньким, плетеным заборчиком, корчился казак. Одна нога у него была оторвана выше колена, вторя, неестественно, подвернута под себя. Над ним стоял другой казак, качал головой, не зная, что делать. Рядом – пулемет Максима, который они, вероятно, чистили.

Из другой комнаты фермерского домика выскочил начальник штаба Романовский. Побежал за санитарами в перевязочный пункт, находившемся в том же домике за углом.

Раненого положили на шинель, понесли. За сапогами санитаров оставался темно-кровавый, пенящийся след. На него хмуро глядели невыспавшиеся офицеры, закуривали папиросы. День начался не лучшим образом, настроение с утра испорчено.

Впрочем, оно не особо поднималось все четыре дня штурма Екатеринодара. Комиссары проявляли невероятное упорство, не желая сдавать город. Разведке штаба удалось узнать только приблизительное количество большевиков – около 18 тысяч штыков. Несколько бронепоездов, полтора десятка тяжелых и легких орудий. Это при численности Добровольческой армии в 4 тысячи человек и 12 орудий. До наступления. А что сейчас не может сказать точно никто. Корниловский и Партизанский полки понесли серьезные потери, Офицерский почти полностью сохранился, хотя тоже есть убитые и раненные.

Генерал Марков держит своих людей в окопах, в бой не бросает, ждет удобного случая. А когда он наступит? С полковником Неженцевым связи нет, пропал и все. Накануне днем поступило донесение, что под огнем добровольческих орудий, красные оставили Артиллерийские казармы на окраине Екатеринодара. Успех, победа? К вечеру сообщение иного рода – большевики опять заняли казармы. Наступившим утром ситуация так и не прояснилась.

Умывшись, генерал Корнилов собрал в своей комнатке совещание. Генералы Алексеев, Деникин, Марков, Багаевский пили крепкий чай, заваренный адъютантом Хаджиевым. Где он такой брал, оставалось для всех тайной, но ароматный, бархатный на вкус восточный чай, у поручика никогда не переводился.

К лепешкам на тумбочке никто не притронулся. Лавр Георгиевич склонился над картой Екатеринодара. Из перевязочного пункта доносился истошный крик изуродованного бомбой казака.

Корнилов расстегнул воротник гимнастерки, повертел шеей, словно ему было трудно дышать, хлопнул карандашом по карте:

– Нет, так невозможно, господа. Как- нибудь успокойте его. Обезболивающего дайте, что ль.

– Дали, ваше превосходительство, самогона, – ответил Романовский. – Ногу отрезают до паха, любой взвоет. Морфин и кокаин у санитаров закончился.

Генерал вздохнул, вновь склонился над картой.

– Иван Павлович, – обратился он к Романовскому, – будьте любезны, доложите нынешнее положение дел.

Романовский занял место начальника штаба армии вместо Лукомского. Тому поручили налаживать связи с союзниками. Почему-то сразу невзлюбили генерала добровольцы. Возможно, потому что ему приходилась брать на себя самые неблагодарные миссии, которые обязан был выполнять Антон Иванович Деникин – наказывать, отказывать, лишать. Характер он имел резкий, бескомпромиссный, что тоже не добавляло ему симпатий корниловцев. Руково-

дителем добровольцев считался генерал Алексеев, однако армия негласно стала называться именно Корниловской. Но более всего ругали Романовского за то, что армия пока не достигла никаких значимых успехов. Корнилову это почему-то прощали. Чтобы поддержать в войсках свой авторитет, Лавр Георгиевич, во что бы то ни стало, хотел взять Екатеринодар. Так считал генерал Алексеев, хотя понимал, что взятие города имеет и огромное политическое значение. В успехе похода уже сомневались многие офицеры.

Допив, не торопясь до дна стакан чаю, Романовский откашлялся.

– Бригада генерала Маркова, насколько знаю, закрепилась слева, в полуверсте от Артиллерийских казарм. – Марков кивнул в знак согласия. – Конница Эрдели отошла к Садам, Корниловский полк занимает прежние позиции, с генералом Казановичем связи нет, пропал.

– Что значит, пропал? – строго взглянул на начальника штаба Корнилов.

– Вечером видели, как он со своими партизанами выдвинулся к окраинам города. Вроде бы связывался с генералом Кутеповым, просил его поддержать в прорыве к центру. Но потом исчез.

– Что же говорит Александр Павлович?

– С Кутеповым тоже связи нет.

– Так наладьте! – крикнул Корнилов и тут же осекся. – Извините, господа, нервы.

В комнату без стука ворвался поручик Хаджиев. Глаза его были красными, сам бледный.

– Неженцев погиб! – выпалил он.

– Как?! – воскликнул Лавр Георгиевич. Закрыл тут же побагровевшее лицо руками. – Не может быть.

Офицеры перекрестились. Деникин тихо произнес: «Бедный Митрофан Иосифович, один из лучших командиров». Потеря Неженцева была для армии тяжелой, но теперь Антон Иванович больше волновался за Корнилова. Неженцев был близким другом командующего и этот психологический удар мог помешать делу. Ведь нужно было принимать немедленные, но хорошо обдуманные решения.

Корнилов довольно долго молчал. Потом спросил:

– Кто сообщил?

– Адъютант Индейкина. Полковник тоже убит.

«Кошмар», – вырвалось у кого-то. Полковник Индейкин являлся помощником Неженцева.

– Где он?

В комнату вскоре вошел низенький казак с лихим чубом из-под помятой, пыльной фуражки. Его шашка доставала до земли. Видно, не своя, в бою взял. На плече кавалерийская трехлинейка с пристегнутым, сломанным на самом кончике, штыком. Глаза его при виде командующего вспыхнули радостным огнем, будто он не с передовой, где пули и кровь, а с прогулки. Представился:

– Поручик Савельевич, ваше высокопревосходительство.

– Как все случилось? – спросил его генерал.

– Дык как… Когда казармы-то Артиллерийские марковцы взяли, Митрофан Иосифович приказал в атаку подниматься. Он сам на возвышенке находился. Но красные такую пальбу устроили, мама не горюй. Словом, цепи залегли. Стихает, они опять вперед. И опять большевистские пулеметы. Еще пушка им тяжелая помогала, только она сзади бомбы бросала, нас не доставала. То лягут, то встанут. А тех, кто вставал, все меньше и меньше. Вот полковник Неженцев и не выдержал, сам в атаку бойцов повел. Я за ним… Пуля ему в голову попала. Взял я его на руки. Он еще живой, хрипит – «Не останавливаться, вперед, корниловцы». И тут вторая пуля ему в бок, другая мимо моего уха просвистела. И капитана Курочкина позже убило. Ну, мы опять вместе с елизаветинскими казаками в окопы да овраги залегли. Там и сидим.

В приоткрытую дверь вошел худой рыжий кот. Обнюхал сапоги поручика Савельевича, по-деловому, ни на кого не обращая внимания, запрыгнул на табурет, стал вытягивать шею к тарелке с лепешками. Никто, казалось, животное не замечал. В комнате висела тишина. Вдруг где-то недалеко, в роще разорвалась очередная бомба. С потолка посыпалась пыль. Кот соскочил с табурета и в мгновение ока скрылся за дверью.

– Нельзя вам здесь находиться, Лавр Георгиевич, – сказал генерал Багаевский. – Так шальная бомба не ровен час в окно залетит. Ферма как на ладони с окраин города просматривается. Наверняка комиссары знают, что вы здесь, потому и бьют.

– Ах, оставьте, Африкан Петрович, – вздохнул Корнилов. – Не солдат ищет пулю, а пуля солдата. От своей не уйдешь. Сергей Леонидович, – обратился он к Маркову, – берите командование над полком Неженцева. Ох, беда…

– Слушаюсь, ваше превосходительство.

Марков оправил свои длинные усы, которые умудрялся всегда держать острыми, лихо закрученными кверху, козырнул.

– Пойдем, – сказал он Савельевичу.

– Обождите, поручик, – остановил Корнилов. – А что вам известно о резервном партизанском отряде генерала Казановича? По донесениям он вчера ворвался в город.

– Так генерал и пришел нам на выручку. Когда мы залегли, на нас красные пошли. Целая тьма. Думали, ну все, конец. Даже если б мы побежали к реке, нас бы из пулеметов покосили. И тут как ангел-спаситель – генерал Казанович со своим отрядом. Во фланг большевикам ударил. Они не ожидали, помчались обратно к своим позициям. Много их порубали.

– Ну, а дальше? Где теперь Борис Ильич?

– Кто ж его знает, – пожал плечами поручик. – Разве там разберешь! Знаю, он велел капитану Курочкину, пока тот был жив, оставаться на позициях. А сам пошел в город, за большевиками.

– Как это пошел? – спросил Деникин.

– Не знаю, господа офицеры. У вас тут штаб, вы ж армией командуете. Куда он, чего, зачем, мне генерал Казанович не докладывал. Да я и от тела Неженцева – то не отходил. Вроде как генерал давал поручение Курочкину связаться с Кутеповым, чтобы тот тоже в город продвигался, его поддержал.

– Это немыслимо, господа, – сломал в руке карандаш Корнилов. – Немыслимая организация наступления. И я за эту неразбериху несу полную ответственность.

Генерал Романовский подошел к столу, взглянул на карту со стрелочками и кружками. Развернул ее к себе, долго всматривался.

– Все мы несем ответственность за слабую организацию операции, Лавр Георгиевич, – сказал Романовский. – Предлагаю прекратить наступление, отозвать отряды, дабы не потерять всю Добровольческую армию во время первого же похода.

Начальника штаба поддержал Деникин:

– Думаю, это лучший вариант, господа. Нужно отойти к станице Ольгинской, откуда мы и начали наш марш, передохнуть.

Корнилов долго молчал, потом подошел к окну. Из лазарета снова раздался крик раненного, но командующий, словно его не услышал. Заговорил тихо, полушепотом:

– Значит, наши жертвы теперь напрасны? Значит, лучшие люди нашей армии сложили головы впустую? – И уже в полный голос. – Одумайтесь, господа офицеры! Честь, совесть, воля, родина, все в выгребную яму? Если мы уйдем без победы, то более уже никогда ее не добьемся. Мы окончательно потеряем доверие людей. Как командующий армией я не могу пойти на это. Положение действительно тяжелое. И я не вижу другого выхода… как завтра же начать наступление на Екатеринодар по всему фронту.

– Это будет катастрофа, – сказал Деникин.

Опять повисла тишина. Ее прервал генерал Алексеев:

– Что ж, командующий не только имеет право принимать решение, но и обязан это делать. Армия верит Лавру Георгиевичу, надеюсь, и нам. Предлагаю наступать послезавтра. Войска отдохнут, проведем перегруппировку. Может, казаки еще подойдут. И вообще, нужно разобраться, как следует в ситуации.

– Не возражаю, господа, – сказал Корнилов. – Назначаю штурм Екатеринодара на послезавтра. Решено.

Дверь опять распахнулась. Поручик Хаджиев с порога крикнул:

– Генерал Казанович! Раненный!

Все прильнули к окну, а потом выскочили во двор. Двое добровольцев поддерживали под локти пропавшего генерала. Одна рука его была замотана тряпками и кусками шинели. Лицо заострившееся, злое. Он присел на полуразбитую снарядом телегу, попросил воды.

Выпив целый ковш, обвел всех тяжелым взглядом:

– Что же это вы, господа, меня не поддержали? Я же до самого сердца города дошел. Кутепова ждал. Какое там… А вы здесь прохлаждаетесь. Екатеринодар уже почти был в наших руках.

Корнилов подошел к Казановичу, сел рядом.

– Будьте любезны, Борис Ильич, без нападок. Доложите как было.

Лавр Георгиевич понимал, что «нападки» адресованы именно ему, слышать их было неприятно. Командующий, не знающий, что происходит на фронте, которым он командует. Скверно, очень скверно.

Генерал Казанович сплюнул что-то павшее ему рот, начал рассказывать.

Когда он пришел на выручку полку Неженцева, тот уже был убит. Большевики не ждали удара с фланга и побежали. Не теряя времени Казанович со своими 200 бойцами 1 -го партизанского отряда устремился следом. Порубали и постреляли красных, которых удалось догнать, остальные растворились в переулках и дворах. Генерал отправил порученца – кадета Соломина к полковнику Кутепову, зная что он занимает позиции правее, у хлебных амбаров. Послал с просьбой тоже немедленно выдвигаться в город, «пока комиссары не пришли в себя».

Войдя в город, чтобы не наткнуться на основные силы большевиков, повернули влево, к Госбанку, а оттуда к Греческой школе. Мимо лютеранской церкви вышли к Старому базару.

Тишина в городе стояла пугающая, ни одного выстрела, как будто и не было здесь никогда войны. Генерал послал вперед разведчиков со штабс-капитаном Авдеевым. Те вскоре вернулись, доложив, что за базаром стоит артиллерия из двух орудий с приблизительно 40 солдатами.

– Можно обойти и ударить по красным со стороны синагоги, я хорошо знаю город, – предложил Авдеев. – Темнеет, нас не заметят.

– Сейчас не время, – ответил генерал. – Думаю, Кутепов уже начал продвижение параллельно нам. Он наверняка доложил об этом в штаб. Соединимся с ним, а утром ударим по красным вместе, с севера. Надеюсь, бойцы Маркова нас поддержит. Продвигаемся к Хлебному рынку.

– От него до железнодорожной станции недалеко.

– Именно, заодно поглядим, что у красных на путях- 2 или 3 бронепоезда. С божьей помощью, еще и захватим. Прятаться по углам более не станем, красные, не исключено, нас тоже заметили. Так что вперед, мы – сорокинцы.

И вышли на площадь Старого базара. Ружья за плечами. Увидев отряд, красные поднялись. Один из них вышел вперед.

– Кто такие? – спросил он зычным, хорошо поставленным командным голосом. Видно, из бывших ефрейторов или прапорщиков. Может, унтер.

– Не видишь что ль, свои, – ответил Авдеев.

– Свои все давно по лавкам спят.

– С кадетами у Артиллерийских казарм бились, не успели спать лечь, в отличие от вас.

– Пароль назови.

Авдеев обернулся на генерала Казановича. Тот вышел вперед.

– Так его как час тому сменили. Какой тебе сказать? – спросил он.

– Сменили? – озадачился артиллерист. Товарищ Зильбер… как его мать, все забываю.

Его приятели заржали. Стали подходить ближе, кто-то поднял винтовки.

– Зильберглас, – выговорил, наконец, фамилию прапорщик.

– Ну, правильно, Зильберглас и поменял, – кивнул Казанович. – Не знаю, почему вам не сказали. Бардак.

– Бардак, – охотно согласился красноармеец. – Какой же теперь?

– Самый простой – «Кубань».

– Во как. А был – «25 октября». Надо же, о чем они там думают? А еще хотят кадетов побить.

– А ты не хочешь?

– Своим руками бы передушил вражье племя. С германской ненавижу. Ты-то где служил?

– В 127-ом Путивльском полку, – честно сказал Казанович, который командовал этим самым полком.

– Во-она, – протянул артиллерист, – а у нас тут твой однополчанин есть. Эй, Семен, ты где?

Из тьмы, сгущавшейся каждую секунду, вышел высокий, как жердь солдат.

Авдеев незаметно взялся за рукоятку нагана, сзади за поясом. Но генерал был полностью спокоен – вряд ли кто его узнает в таком виде. В отличие от других генералов, он не носил пышных усов и холеной бороды, сбрил их перед походом. Теперь зарос щетиной и был похож на обычного солдата. Что же касается одежды, то в бой в генеральских шинелях, разумеется, никто не ходил, чтобы первым не попасть на мушку. И вообще, отличить красногвардейца от бойца Добровольческой армии было практически невозможно. И те и другие – без погон, в одинаковой форме, а то и вовсе без нее. Казаки, так те и вовсе как братья-близнецы.

Семен прищурился, стал похож на казаха. Прям Корнилов. Вгляделся в генерала.

– Нет, не помню, – сказал он, наконец.

Прапорщик нехорошо ухмыльнулся.

– Ну а полковника Лузового из 4-го батальона помнишь? – спросил солдата Казанович. – Отчаянный вояка был. Он однажды один 15 австрияков в плен взял. С солдатами плясать любил. А в дни рождения каждому старался подарочек сделать.

– А-а! – обрадовался Семен. – Полковника помню. Он однажды мне в харю так дал, что голова три дня тряслась. Но по делу, в карауле закурил.

Красноармейцы заржали.

– Погиб он, – недовольно обернулся на приятелей Семен. – Чего гогочете, и среди их благородий хорошие люди попадались.

– Смотри, комиссару это не скажи, – посоветовал Семену прапорщик.

– А ты меня, Федька, товарищем Зильбергласом не пугай. Он человек рассудительный и понимает, что люди разные бывают. Нельзя всех скопом черным дегтем мазать.

– Ты это корниловцам скажешь, когда они сюда придут и тебя на виселицу потянут.

– А что, Федор, – подошел к артиллеристу Казанович, – думаешь, не устоим, дрогнем, побежим от кадетов? Идею свободы, равенства и братства рабоче-крестьянских классов, за которую стоит товарищ Троцкий, предадим?

– Я…, – замялся Федор. – Я такого не говорил, товарищ… Да что там, шли своей дорогой и идите.

Казанович махнул рукой. Тоже сделал и капитан Авдеев. Нестройная колона добровольцев потянулась мимо орудийной позиции красных.

– Вы сейчас куда? – спросил Семён.

Авдеев отодвинул его рукой от генерала:

– Тебе что за дело?

– С вами пойду. Мне к Новому базару надо. Сестра у меня там живет. Хлеба отнести. -Он встряхнул вещь мешок за спиной. – Как эшелон с продовольствием пришел, подкармливаю. У Глашки трое детей. Отпустишь, Федька?

– Совсем устава не соблюдают, – вздохнул прапорщик. -Ну иди, токмо не засиживайся. Туда и обратно. А то комиссары проверку спроворят, тебя в дезертиры запишут… сам знаешь. И мне достанется.

Прошли синагогу, реальное училище, музыкальную школу.

Семен, который шагал рядом с Казановичем, сказал ему:

– Мимом больницы вам идти не следует.

– Почему? – удивился Борис Ильич.

– Потому что там полно красных постов. Из латышей. Те ушлые, не то, что Федька - балабол. Вмиг раскусят.

– Что? – схватил за плечо солдата Авдеев.

– А то, что я сразу признал вас, господин генерал. Что же я своего командира Казановича не узнаю? Не ослеп еще. Вы-то меня, конечно, не помните, я в хозвзводе служил, иногда вам ужин в штаб приносил. Знаю я, для чего вы в город пожаловали, но не сдам. За пару месяцев я понял, что эта за власть такая, большевистская. И не только я. Злоба, ненависть и обман. Латыши с китайцами такое творят, что и во сне страшном не приснится. И русские теперь от них не отстают. Комиссары говорят, генерала Корнилова поймаем, будем его как Пугачева в клетке по России возить. А потом, говорят, голову отрубим, как бешеной собаке и останки сожжем на революционном костре. А я слышал, Корнилов на Германской войне героем был, как и вы… Борис Ильич. Комиссары, гады, с немцами мир подписали. Всех нас продали жидам.

– Что ж, хорошо, что ты это про большевиков понял, Семен, – приобнял солдата Казанович. – Дай бог, чтобы и остальные твои приятели быстрее прозрели. Веди нас… на Сенную площадь. Кстати, сколько поездов на станции?

Семен тут же рассказал, что у вокзала 2 бронепоезда. Был третий, но он ушел в Ростов. Вчера пригнали состав со снарядами и хлебом, он стоит на 5-ом пути. Раненых, а их много, увозят на санитарном поезде в станицу Медведовскую, там вроде как разбили большой госпиталь. Завтра должно прибыть большое пополнение в 5 или даже 10 тысяч человек.

– Та-ак, – протянул Казанович. – Замечательно. Только бы Кутепов не оплошал.

Когда совсем стемнело, добрались до Сенной площади. Добровольцы рассредоточились по всему ее периметру – заняли позиции за лавками и магазинами, у фонтана. Что делать дальше было не понятно.

– Где же Кутепов? – нервничал Казанович. – Если бы прорывался, мы бы его услышали. Черт, город вроде бы теперь перед нами как на тарелке – бери, не хочу. Ударь в спину красным, они побегут, только пятки будут сверкать. Но одного нашего отряда мало.

Под утро стало понятно, что ни полка Кутепова, ни других отрядов, добровольцы не дождутся. Казанович принял решение уходить из города, пока еще не совсем рассвело.

Тем же путем, по совету Семёна, который ни на шаг не отходил от генерала, не пошли. Сделали большой крюк через северную часть города и мимо Хлебного рынка вышли на Кругликовскую подъездную дорогу. Хотели пробраться к реке Кубани через Сады Сельскохозяйственной школы.

Здесь и нарвались на разъезд красных. Сначала вроде бы неплохо поговорили, мол, свои, сорокинцы, идем на передовые позиции к Артиллерийским казармам. Но тут появился еще

один разъезд, а за ним немалый отряд большевиков. Может, и обошлось бы, однако кто-то не выдержал, выстрелил в комиссара. Тот свалился с лошади, будто скошенный шашкой стебелек. Фуражка с красной звездой докатилась до ног Семена. Поднял.

– Это ж товарищ Зильберглас, – выдохнул он.

А потом началось…

Прорваться к реке Кубани удалось не всем. Тем не менее, потери оказались не такими уж большими. Шли стремительно, с натиском, нагло.

У кирпичного завода опять бой. Красные успели развернуть пушку, выстрелить шрапнелью. С одного раза уложили 5 добровольцев. Повторить им не дали, забросали гранатами. И это было ошибкой. Снаряды сдетонировали. Взрыв случился такой силы, что уничтожил не только расчет красных, но и столько же корниловцев. Осколком ранило в руку Казановича. Генерала кое-как перевязал капитан Авдеев. Вскоре его самого не ранили в предплечье.

Семен остервенело отстреливался от большевиков. Как будто и не сидел он с ними еще вчера вечером в одном окопе и не ел из одной миски. Видно, здорово они ему опротивели, – думал Казанович.

Фамилии его Борис Ильич так и не узнал. Когда уже до спасения было близко, передовой отряд марковцев открыл по красным отсекающий огонь, появилась из Садов и конница Эрдели, Семена убило рикошетной пулей прямо в висок. Он и понять ничего не успел. Казанович закрыл ему глаза, перекрестил широко, словно поп. «Славный был парень, – сказал он. – Побольше бы таких прозревших. Ничего, скоро все поймут, что такое жидо-большевизм».

– Вот я вас, господа штабные, и спрашиваю – куда подевался полковник Кутепов? – заключил вопросом свой рассказ Казанович. – Струсил что ли?

Александр Павлович Кутепов пользовался в армии непререкаемым авторитетом, и подобное обвинение могло иметь большие последствия, если бы его услышал сам полковник или его адъютанты. Именно Кутепов в январе разбил, да дважды, красных под командованием Сиверса у Матвеева Кургана. Это была первая крупная победа Добровольческой армии, которая необыкновенно вдохновила людей. Теперь Кутепов был командиром 3 роты 1 Офицерского полка. К счастью, ни полковника, ни его помощников на ферме не оказалось.

– Тихо, голубчик, – попытался успокоить Корнилов Казановича. – Нельзя же так.

– А вы мне рот не затыкайте! – вспылил генерал. Подскочил со сломанной телеги, она изменила центр тяжести, и Лавр Георгиевич упал на землю, смешно задрав ноги.

Кто-то засмеялся. Первым ему помог подняться сам раненный Казанович.

– Простите, ваше превосходительство. Право, неловко вышло. Не ушиблись?

– Ах, оставьте, Борис Ильич. Пустяки. Я вас понимаю, но и вы поймите…

– Нет, уж это вы меня поймите, – перебил Казанович.

В разговор вмешался Антон Иванович Деникин. Он отряхнул командующего, взял за плечи Казановича.

– Полно, господа, прямо как юнкера. Лучше обсудить все без эмоций.

– Что же тут обсуждать? – уже более спокойно, но так же хмуро ответил генерал Казанович. – Я пробился к центру города, фактические его уже взял. Но… потерял людей практически напрасно.

Санитары начали разматывать тряпки на раненой руке Казановича. Идти с ними в перевязочный пункт он отказался. Красуется генерал, ухмыльнулся про себя Романовский, хочет всем показать, что он кровь проливает за Россию. А мы тут в тылу прохлаждаемся.

Но Казанович вовсе не по этой причине не шел с санитарами. Генерал потерял много крови и боялся, что в душном помещении потеряет сознание, а он еще не все сказал этим «стратегам».

На ферму прискакал запыхавшийся Кутепов. Поручик Хаджиев разыскал его у Артиллерийских казарм. Полковник узнал, что убили Неженцева и решил занять его позиции, не дожи-

даясь расстановки из штаба. Он не знал, что командовать отрядами Неженцева, Корнилов поручил уже Маркову.

– Что случилось, ваше высокопревосходительство? – вытянулся он перед командующим.

Высшие офицеры и командиры могли позволить себе не называть Корнилова «вашим высокопревосходительством», достаточно было лишь «превосходительства», но Кутепов всегда строго соблюдал армейский и гражданские этикеты и не мог позволить себе, как он выражался, «пренебрежения» к командованию.

Корнилов лишь махнул рукой, давая возможность задать вопрос полковнику Казановичу. И тот не заставил себя ждать:

– Извольте объясниться, Александр Павлович. Вы получали мою просьбу с кадетом Соломиным поддержать меня в продвижении в центр города? По параллельным улицам.

– Никакой депеши, уважаемый Борис Ильич, или устного донесения я не получал. Кадета Соломина я и в глаза не видел, – ответил тот.

– Как же так…, – не знал, что на это сказать Казанович.

– Видно, это тот парнишка, который бежал к нам от церкви, ваше благородие, – вступил в разговор адъютант Кутепова. – Его красные в спину застрелили, у бакалейной лавки. Помните?

– Да, помню, – кивнул Кутепов. – Знал бы о вашем продвижении, господин Казанович, непременно пошел бы тоже. Плохо согласуем наши действия, господа.

– Очень плохо, – охотно поддержал Кутепова Казанович и посмотрел на Корнилова.

Командующий резко развернулся и пошел в свою комнату.

Однако ни через день, ни через два наступления на Екатеринодар не состоялось. Утром Лавра Георгиевича убило вражеской гранатой, которая пробив стену возле окна, залетела в комнату. Первыми прибежали генерал Казанович и адъютант Хаджиев. Командующий был еще жив, но помочь ему они ничем уже не могли. Корнилова вынесли на высокий берег Кубани. Он открыл глаза, попытался что-то сказать, но не смог.

Начальник штаба Романовский спросил генерала Деникина:

– Вы примите командование, Антон Иванович?

– Да, – коротко ответил помощник Алексеева.

На совещании командиров, обсудив положение, пришли к выводу, что наступать на Екатеринодар- значит погубить армию. Нужно отходить на отдых в южные станицы. Новый командующий Деникин утвердил это решение.

Многие вздохнули с облегчением.

Лавра Георгиевича все безмерно уважали, но будь он жив, о екатеринодарский утес белое движение разбилось бы вдребезги.

Над рекой повис густой туман, а под утро началась тяжелая метель. Весна никак не могла взять власть над кубанской землей.

Белая бестия. Книга 2

В закатный час, когда на тихой воде реки Ея появились отраженные от облаков багровые узоры, на высокий берег выехали два всадника. Один в кавалерийской серой шинели с винтовкой на плече, другой в оливковой казачьей бекеше, с деревянной кобурой для Маузера на поясе. За его широким ремнем – две гранаты Рдултовского. Утомленные кони, в предчувствии водопоя, широко раздули ноздри, выкатили налитые кровью глаза, забили копытами. Верховой в бекеше с черной окантовкой, похлопал своего донского жеребца по гривастой шее:

– Тихо, Смелый, не егози, не люблю.

Конь сразу понял хозяина, присмирел. Всадник сорвал с головы высокую папаху, встряхнул головой.

На плечи упали роскошные светло-желтые, почти белые волосы. Это была молодая женщина лет двадцати, не больше. Синие глаза в оправе густых бровей, небольшой нос с несколько широкими, чувственными ноздрями, яркие, будто нарисованные красной акварелью тонкие губы маленького рта. Такие губы обычно созданы для нежных поцелуев. Родинка-мушка на правой щеке. Но миловидная внешность была обманчива. Если приглядеться, становилось понятно, что эта юная дама знает себе цену и не готова разменяться по мелочам. А уж поцелуи дарит далеко не каждому. В ней было что-то очень холодное, неприступное. Дотронешься и тут же ощутишь ледяное дыхание Снежной королевы. Улавливалась огромная, тяжелая энергия. Только тот, кто сильнее, достоин её внимания.

– Гляди, Анна, – обратился второй наездник к юной даме, указывая кнутом за реку, – хуторок заброшенный у холма. В пол версте от него станица.

Он достал из внутреннего кармана массивный серебряный портсигар, закурил. Поправил кобуру с американским Кольтом М1911.Недавно союзники прислали в качестве военной помощи несколько таких пистолетов.

– Вижу, ротмистр, – кивнула Анна.

Тот ухмыльнулся:

– Сколько вместе, а ты меня ни разу по имени не назвала. Или «ротмистр» или «господин Бекасов».

Девушка вздохнула, взяла мужчину за рукав шинели:

– Мы же с тобой давно все выяснили… Петя. Ха-ха. Тебе в Добровольческой армии женщин мало? Почти сто медсестер и целая рота из выпускниц Александровского училища. Чем тебе Зина Готгард из артиллерийской бригады не мила? А вольноопределяющаяся Валя Лозовская? Не девицы, сказка. Была б мужиком, сама за ними приударила.

– Анюта…

– А княжна Черкасская? Огонь баба. Большевиков расстреливает, как семечки лузгает. Правда, ее Лавр Георгиевич Корнилов, царство ему небесное, однажды чуть сам не расстрелял за украденную с кухни курицу. Кушать захотела. Ха-ха. Подворовывает, бывает, но это ничего, в крепких мужских руках исправится.

– Послушай…

– Все, ротмистр, – резко прекратила веселиться Анна. – Мы здесь по серьезному делу. Сосредоточьтесь.

– Слушаюсь, госпожа Белоглазова.

– Так-то лучше.

Ротмистр Бекасов положил глаз на Анну, как только впервые увидел ее в Добровольческой армии. Это случилось после Перового кубанского похода.

Она прискакала в штаб армии из своего поместья под Таганрогом с десятью какими-то офицерами и казаками. Антон Иванович Деникин долго с ней беседовал. Потом выяснилось,

что эта девица назначена… атаманом отдельного Партизанского отряда генерала Маркова. Её отряд будет действовать, в основном, автономно, согласовывая, правда, свои действия со штабом. Это было главным условием очень энергичной и, как потом выяснилось, весьма твердой девицы. От других офицеров Бекасов узнал ее историю.

Анна Белоглазова училась в Александровском военном училище в Москве. После Октябрьского переворота вместе с юнкерами, кадетами и офицерами училища, среди которых были еще полтора десятка дам, отстреливалась в Кремле от большевиков. А потом, когда их выбили оттуда пушками, сражалась на улицах города. Но силы были неравны. Погибло несколько её подруг, остальным удалось выбраться из Москвы. Анна пробралась на Дон, в свое родовое поместье под Таганрогом. И пришла в ужас. Большевики отряда Сиверса буквально накануне сожгли её дом, убили мать, дядю, двух сестер. Обезглавленные трупы 12 летних девочек со вспоротыми животами были брошены в колодец. Она даже не заплакала, чем удивила пришедших успокоить ее окрестных казаков и баб, сумевших спрятаться от красных. Окинула взглядом мужиков, среди которого были фронтовые офицеры и солдаты. «И долго вы будете терпеть этих зверей? – спросила Анна. – По норам попрятались, как суслики. Сидите и ждете, когда и вас перережут. Почему в армию генерала Корнилова не записываетесь?»

«Убили Корнилова», – ответил хмуро один из казаков. «Убили?» – удивилась Белоглазова, хотя пока она добиралась до Дона несколько раз до нее доходили слухи, что командующий погиб. Но не верила. Все кругом теперь врут, потому, как не ведают что происходит. «Кто ж теперь вместо него?» « Генерал Деникин. Только у него в войске одни пришлые. Надо в Войско Донское, к Краснову подаваться. Там свои». Среди казаков появился откуда-то поп. Перекрестил народ большим деревянным распятием: «Антихрист на землю пришел». «Ах, оставьте, батюшка, – отмахнулась Анна. – Какой еще антихрист? Обычные двуногие земные твари. Людьми не поворачивается их язык назвать. И бить их можно, как и любого другого зверя».

«Вот ты и побей, – ухмыльнулась одна из баб. – Смелая какая. А нам потом без мужиков век куковать. Ты что ль их заменишь? Большевики вона землю обещают. А что твой Деникин? Всю жизнь на нас отъедался, а теперь на нас же в рай въехать хочет». « Цыц, дура! – осадил бабу, видно, ее муж или родственник. – Не смыслишь ни в чем, так молчи».

Однако Белоглазова на бабу не обиделась. «А что, – сказала она. – Добрая идея. Раз мужики трусливее зайцев, так надобно самой охотником становиться. Свой отряд создам. Кто ко мне захочет, приходи завтра на пасеку». «Атаманша-а, – всплеснула руками разговорчивая баба. – Во-она, как… Бестия белая».

Ухмыльнулись казаки, а на утро человек тридцать все же пришли на пасеку. Привели коня по кличке «Смелый» и Анне. Тот попытался взбрыкнуть, но был остановлен крепкой, не девичьей хваткой, покорился. Мужики только удивлялись.

Отряд Белой бестии, так сходу Анну и прозвали казаки, не стал сидеть сложа руки. Буквально через несколько дней он совершил налет на оружейный склад большевиков в станице Медведевская. Взяли около 15 тысяч патронов, три ящика гранат, 200 винтовок, два пулемета Максима и даже легкую пушку. На другой день атаковали с помощью нее железнодорожную станцию под Ростовом, где комиссары устроили временный штаб.

Первым же снарядом попали в паровоз бронепоезда. Он переломился пополам с жутким грохотом, выпустив как умирающий дракон, клубы дыма и пара. Опрокинулся носом на рельсы, заблокировав подъездные пути. Ничего не понимая, большевики начали палить, куда ни попадя. «Деникинцы! Кадеты окружают!» – стали кричать, выскочившие со всех сторон белоглазовцы, усугубляя панику. И побежали красные. Бросили вагоны бронепоезда. В них, перестреляв тех, кто остался внутри, забрались казаки, начали бить из пулеметов по убегающим.

Победа была неожиданной и полной. Слухи о Белой бестии и её отряде быстро расползлись по Дону и Кубани. К ней стали приходить офицеры из Ростова, Новочеркасска и Таганрога. Но кормить бойцов только идеей долго невозможно. Людям нужно платить деньги. А с этим было трудно. Поэтому, как только Добровольческая армия вернулась из похода после неудачного штурма Екатеринодара, Анна решила познакомиться с генералом Деникиным. Не стыдно теперь командующему в глаза посмотреть.

Антон Иванович принял атаманшу в станице Белая Глина радушно. По-отечески приобнял, предложил пирожные, которые прислали купцы «по случаю счастливого возвращения из похода». «Издеваются? Лучше б денег дали». Но дамы из артиллерийской роты были рады такому подарку. Антон Иванович сам любил сладкое, хоть и скрывал это от подчиненных. Но теперь удержаться не смог, велел адъютанту принести пирожных и себе.

– Кушайте, Анна Владимировна, – угощал он Белоглазову, усадив за стол просторной хаты, где временно разместился штаб армии. – Сейчас и чайку принесут. Не тот, конечно, теперь у нас чай, не тот. Вот поручик Хаджиев, адъютант Лавра Георгиевича Корнилова, царство ему небесное, готовил напиток, это да. Всем чаям чай. Поручик тяжело перенес смерть командующего, говорил, что для него будто солнце исчезло с небосклона. Решил вернуться в родную Хиву. Что ж, вольному воля, я не осуждаю, лихой текинец был. С ним еще десяток таких же орлов. Под Екатеринодаром многие полегли.

– Что же вы город-то не взяли? – прищурившись, спросила Анна. Ее колючий взгляд проникал прямо в душу, царапая там что-то внутри.

Деникин растерялся. Таких красивых, острых глаз он давно не видел. Антон Иванович аж встряхнул головой. И даже не от прямого, обескураживающего вопроса, а именно от этого ледяного, пронизывающего до самых глубин, взгляда. Ответил же обтекаемо:

– Враг оказался сильнее нас.

– Ерунда. Непобедимых врагов не бывает. Любого можно уложить на лопатки, нужно только знать его слабое место. Видно, вы не все просчитали.

Принесли чай. Антон Иванович сам поухаживал за дамой, наполнив простые глиняные кружки довольно ароматным напитком.

– Союзники теперь иногда подбрасывают, колониальный.

– Лучше бы они вам пушек подбросили.

Деникин сел напротив Анны, всмотрелся в ее красивое лицо. Налил себе чай в блюдечко. Он любил его пить так, по-домашнему.

– Я ведь, Анна Владимировна, хорошо знал вашего батюшку. Героическим офицером был, – сказал генерал, макая в блюдце кусок рафинада. – В 1915 году под Лутовиско его батальон 4 стрелковой бригады, которой я командовал, взял в плен почти 2000 австрийцев. Мы их тогда отбросили за реку Сан. Меня наградили орденом Святого Георгия, а…

– Так почему же Добровольческая армия всё-таки не взяла Екатеринодара? – прервала Анна вопросом воспоминания Деникина.

Генерал, державший блюдечко с чаем, и собираясь уже отхлебнуть, чуть не выронил его. Закашлялся. Вытер полотенцем намокшие от пара белые усы. Встал, подошел к окну.

– Я тоже пытаюсь ответить себе на этот вопрос, – сказал командующий, не оборачиваясь. – Мы были не готовы к походу. Мало сил, снаряжения, средств. Союзники, вы, верно, заметили, нам только пустяками помогают. Денег обещают какой месяц, 10 миллионов рублей и то под залог российских банков. Дай-то бог хоть так. А ведь мы из 80 дней «Ледяного» похода, 44 дня вели бои. Больше половины из них еще до штурма Екатеринодара. 700 снарядов на 12 пушек, 150 патронов на человека. У большевиков было заметного преимущество во всем.

– Ваши слова, Антон Иванович, звучат как оправдание. Если знали, что у комиссаров, как вы говорите, преимущество, зачем начали наступать на город, почему не скопили достаточно сил и средств? Только людей напрасно погубили.

Деникин вытер ладонью мокрый лоб – верно говорили про эту девицу, настоящая бестия. Вот ведь привязалась. А правильно вопросы ставит. Запутались тогда командиры добровольцев- хотели скорой, весомой победы, чтоб и союзников удивить и своих, сомневающихся на какой стороне воевать- белой или красной. Ведь он сам вместе с Алексеевым уговаривал Корнилова сразу двигаться на Екатеринодар, но тот настоял на отдыхе войск. А потом, когда всё же подошли к городу, ввязались в бои, понял, что сил мало, стал говорить о немедленном отходе. Однако, но на это уже не соглашался Лавр Георгиевич. И если б не смерть Корнилова, настаивавшего на продолжении штурма, еще не известно сохранилась бы вообще Добровольческая армия. Эх, нехорошо так думать, – незаметно перекрестился Деникин. Вслух же сказал:

– Ошибок мы сделали много. Но армия вышла в поход с 4000 бойцами, а вернулась с 5000. Это притом, что на полях битв мы оставили 459 героев. Светлая им память. Люди в нас поверили, стали присоединяться. Это была главная наша задача и мы ее выполнили.

– Где гарантия того, что вы не наделаете еще массу ошибок? А потому, я требую признания моего отряда частью Добровольческой армии. При этом настаиваю на полной самостоятельности действий.

– Требую, настаиваю… Позвольте заметить, Анна Владимировна, такого не может быть в единой армии, что б каждый творил все что он пожелает. Это тогда уже не армия, а… анархическое сборище.

– Но ведь вы находите как-то общий язык с атаманом Красновым.

– Да, но Петр Николаевич и не требует, чтобы мы признали его Донское войско частью Добровольческой армии. Он получает средства, ресурсы из своих источников. Однако боевые действия мы, да, иногда согласуем. Иногда, подчеркиваю, что не прибавляет существенных плюсов всему белому движению.

– Хорошо, Антон Иванович, – поднялась Анна. -Думаю, дальнейшие дебаты вести бессмысленно. Вы знаете мои условия. Надумаете, присылайте адъютанта в Хомутовскую.

Белоглазова деланно поклонилась и вышла из хаты. Вскоре атаманша лихо промчалась мимо окон штаба на донском жеребце. За ней так же лихо, со свистом пронеслась ее свита.

Вот ведь бестия, – покачал головой Деникин. А что, от такой сорвиголовы может быть немало пользы.

Под вечер Антон Иванович собрал в штабе командиров. Рассказал о визите атаманши Белоглазовой и ее требованиях.

– Ну, это, знаете ли, Антон Иванович, никуда не годится. Недоучившаяся кадетка будет нам ставить условия, – развел руками генерал Эрдели.

– Недоучившаяся кадетка, как вы изволили выразиться, Иван Георгиевич, разбила красных под Тимашовской и уничтожила бронепоезд в станице Медведевская, в глубоком тылу врага, – ответил Деникин. – В её отряд стекаются офицеры с Дона и Кубани. Сейчас 250 сабель, завтра, не сомневаюсь, будет 500. Конечно, полной свободы мы ей дать не можем. Но некоторую свободу действий… Как вы считаете, Борис Ильич? – обратился командующий к генералу Казановичу.

Тот ухмыльнулся. Кому, как ни ему был свойственен авантюрный дух. Генерал со своим отрядом фактически взял Екатеринодар во время первого похода, ворвавшись в него на свой страх и риск, вслед за отступающими большевиками. Занял оборону в центре города, ждал поддержки, но так и не дождался. Пришлось уходить. В результате штурм города провалился.

– А что, – сказал Казанович. – Я одобряю лихость и безрассудность, когда они оправданы, конечно. Эта атаманша навела шороху по всем окрестным губерниям. Глупо было бы ее отпихнуть, раз к ней тянутся люди. Почему бы ее отряд не пристегнуть, скажем, к генералу Маркову в качестве отдельной партизанской бригады?

– Благодарю, господа, – подправил кончики лихо закрученных усов Марков, – но у меня своих забот хватает. Только неуправляемой девицы на мою шею не хватает.

– Напрасно вы так, – рассмеялся Эрдели, – она очень даже ничего. Я бы и сам…

– Вот и берите, – вспылил Марков.

– Будет, господа, – поморщился Деникин. – Дело важное. К нам стекаются люди, в нас поверили, вот что главное. Это несомненный успех. Что с обещанной союзниками помощью, Иван Павлович?

Молчавший до этого начальник штаба Романовский поднялся со стула, но командующий его усадил- «не утруждайтесь».

– Буквально час тому Милюков сообщил генералу Алексееву, что вопрос с финансовой помощью Антанты нашей армии решен положительно. Банкиры, под гарантии Англии и Франции, будут готовы кредитовать нас в середине мая, начале июня.

– Замечательно! – воскликнул Деникин. – Значит, в первых числах лета, как мы и планировали, выступаем во второй поход. Раз с финансами вопрос теперь ясен, мы можем позволить себе содержать более крупную армию. Как командующий, я принимаю решение создать отдельную партизанскую бригаду под командованием атамана… госпожи Белоглазовой в составе полка генерала Маркова. Это будет еще одним ярким свидетельством всеобщей борьбы русского народа за идеалы свободы и независимости, за Бога и веру, против ига большевизма. Есть возражения, господа?

Ни от кого возражений не поступило. Все уже привыкли, что Антон Иванович довольно часто в последнее время сыпет почти агитационными лозунгами. Лишь генерал Марков тяжело вздохнул и с расстройства сжевал целый кусок хлеба, выпил залпом полный стакан чая. Всех удивило, как он не обжегся, ведь напиток был подан сильно горячим и еще не успел остыть.

И Анна показала на что способна. Продолжила успешные нападения на обозы и колонны большевиков, откуда те не ждали. За неделю обеспечила Добровольческую армию продовольствием на месяц вперед. Захватила еще один бронепоезд в станице Переяславской. Причем, остановила его сама.

Состав только отошел от станицы в направлении Тихорецкой, когда Анна в простой бабьей одежде, замотанная в серый платок, встала на путях. Ей стали отчаянно сигналить. Машинист высунулся из кабины: «Пошла вон, дура!». «А ты меня не дури, – спокойно ответила Белоглазова. – Там под рельсами ящик с гранатами, а от него провода. Не иначе бомбу кадеты подложили». «Где?» «Выйди да посмотри, вон у водокачки. Да солдатиков прихвати, сам- то, поди, в бомбах не смыслишь».

Машинист что-то сказал молодому напарнику. Тот тоже высунулся наружу, покривился, оглядев бабу на рельсах. «А что нам, дядя, – сказал он машинисту, – больше остальных надо? Ежели что, мы первыми на воздух взлетим. Иди, доложи комиссарам». Тот проворчал что-то типа- вот она ленивая молодежь, сам бы мог сбегать – но спрыгнул с подножки пыхтевшего паровоза, побежал к первому бронированному вагону, стал стучать железным ключом.

Как только дверь открылась, из кустов выскочили партизаны, заскочили внутрь вагона. Он был оборудован одной трехдюймовой пушкой и четырьмя пулеметами. Большевиков быстро перестреляли, перекололи. Два других вагона оказались автономными. Услышав выстрелы, комиссары, сидевшие там, заблокировали замки, начали палить из всех стволов в белый свет.

Пришлось взорвать их найденными гранами, подложив их под колеса. Они отвалились, но снаряды внутри не сдетонировали. Лишь пошел дым из амбразур, раздались стоны и проклятья. Пришлось бросить.

Паровоз с захваченным бронированным вагоном отогнали в тупик у Тихорецкой. Там машинистов отпустили на все четыре стороны.

Генерал Деникин, конечно, похвалил Анну за мужество, но побранил за безрассудность. Романовский же был более категоричен: «Это невиданная глупость- захватить и оставить почти целым вражеский состав на путях. Подгонят другой паровоз, поменяют колеса и бронепоезд

опять будет нас убивать. Толку-то от вашего героизма». Анна встряхнула белой шевелюрой, сверкнула своими синими глазами: «А вы бы, господин штабной, бросили здесь штаны протирать, да захватили пару бронепоездов. Тогда бы и советы давали».

Романовский собирался что-то сказать, но передумал. Козырнул командующему, вышел. Деникин вздохнул: «Сложный характер у Ивана Павловича. Но он настоящий герой. Только благодаря ему, армия сумела одержать ряд существенных побед». «То-то я и смотрю, – ухмыльнулась Белоглазова. – Еле ноги из-под Екатеринодара унесли».

Однажды под вечер в отряд, разместившийся на ночлег у одного из хуторов под станицей Плоская, прискакал вестовой из штаба. В депеше от Деникина сообщалось, что большевики – сорокинцы выкопали из могилы тело убитого генерала Корнилова в немецкой колонии Гначбау, где его похоронили добровольцы перед отступлением, и теперь везут по станицам для глумления над ним. Командующий предлагал партизанскому батальону Белоглазовой попытаться перехватить этот отряд. По имеющимся данным, он выступил из Гначбау днем и будет у Тихорецкой утром. «Вы окажете неоценимую услугу не только усопшему герою, но и всему Российскому Отечеству, за которое Лавр Георгиевич отдал свою славную жизнь», – писал в заключении Деникин. Отряд тут же выдвинулся к селу возле Тихорецкой. Здесь проходила основная проезжая дорога.

Около 8 утра на ней действительно появился отряд красных. В последнее время большевики и добровольцы стали носить на рукавах повязки- красные и соответственно белые. Так можно было хоть как-то отличить своих от чужих. Когда колонна комиссаров, которая состояла приблизительно из сорока верховых, повозки с пулеметом и двух телег, поравнялось с крайним домом села, партизаны бросили несколько гранат. Затем открыли огонь из пулемета. Половина большевиков была убита или ранена сразу. Оставшиеся в живых начали отстреливаться, но смысла в этом особого не было, так как противника они не видели. Когда из-за укрытий выскочили всадники, одни большевики поскакали спасаться в поле, другие заскочили в ближайшую хату, выбили окна стали отчаянно палить. Оборону они заняли умело, со всех сторон, не подойти.

Ротмистр Петр Ильич Бекасов, который был прикреплен от штаба к партизанскому отряду по настоянию генерала Маркова, подобрался к дому сзади, со стороны амбара. Бросил на крышу гранату Рдултовского. Она рванула, но соломенную крышу не подожгла, проделала в ней дыру. Ротмистр собирался швырнуть еще одну бомбу следом, однако его остановила Анна – «я сама». Мигом взобралась на амбар, с него, словно цирковая акробатка, совершила длинный прыжок на крышу дома. Скрылась в дыре. Застрелила трех контуженных, оглохших от взрыва большевиков. Обыскала хату, которая состояла из трех комнат и чулана.

В подсобке она наткнулась на черное дуло Нагана. Его держал, спрятавшийся за дверью, светловолосый мужчина лет 30. На нем был офицерский китель без погон, разорванный и окровавленный на плече. Он глядел на Анну голубыми, как утренние звезды глазами. В них не было ни испуга, ни отчаяния, только решительность. Его глаза сразу пронзили Анну насквозь. Кажется, всю жизнь она такие искала и вот нашла. И в целом он был недурен: соломенный чуб на взмокшем, высоком лбу, аристократичный нос с горбинкой, сочные губы. Явно из родовитых. И только смешные, оттопыренные красные уши, будто за них его только что драли, производили несерьезное впечатление.

Анна невольно рассмеялась, что повергло мужчину в смятение. Он поднял ствол выше, нажал на спусковой крючок. Раздался сухой щелчок. Но выстрела не последовало, видно в барабане закончились патроны.

Белоглазова спокойно вынула Наган из его руки, швырнула на пол. Долго смотрела в его лицо, потом произнесла: «Я взяла тебя на шпагу». И расхохоталась так, что услышали бойцы на улице. Бекасову она запретила трогать пленного. Сама сопровождала его в штаб армии.

Тела генерала Корнилова в разгромленном отряде большевиков не оказалось. Как сказали двое других пленных, их задача была собрать для Красной армии продовольствие с нескольких станиц и пригнать в Ростов мобилизованных. А тело генерала, вроде бы, сразу отправили в Екатеринодар и что с ним теперь они не знают.

Голубоглазым красавцем оказался бывший штабс-капитан 8-ой армии Киевского военного округа генерала Брусилова Владимир Половников. Служил при штабе командующего адъютантом, принимал участие в Галицийской битве, боях у Равы-Русской, Брусиловском прорыве под Луцком. С пленным беседовал лично начальник штаба Добровольческой армией Романовский.

– Как же так, Владимир Николаевич, – укорял генерал. – Заслуженный офицер, герой войны и пошли на услужение к губителям России – большевикам. Они же дьяволы! Ввергли отчизну в Гражданскую войну, а не дай бог победят, уничтожат ее до конца.

– Ах, оставьте нравоучения, господин Романовский, – вздыхал штабс-капитан. – Отечество мы сами ввергли, как вы выражаетесь, в пучину, когда влезли в бессмысленную войну. И основная вина на вас, генералах. Это вы не смогли убедить самодержца в пагубности его решения. Это вы потом не сумели нормально организовать фронт. Алексей Алексеевич Брусилов летом 1916 наголову разбил немцев и австрияков в Волыне и Буковине. Как штабной я знаю – захватили 600 орудий, 2000 пулеметов… Наступай дальше, на Берлин. Но вы, генералы, когда победа уже почти была в наших руках, и здесь не смогли ничего сделать. Поражение за поражением, при миллионных жертвах. Унижение, позор русского человека, который верил своим командирам. А они его подло предали. И чего же вы теперь хотите, чтобы народ был на вашей стороне? Да он вам никогда этого не простит. Потому и за большевиками пошел. А за кем еще ему идти, у кого теперь сила, в ком спасение? Да, многие уже теперь понимают, что большевики обманут, ничего хорошего не дадут. Но, главное, вам-то веры нет! Вот в чем дело.

– Именно по этой причине, господин Половников, вы и решили предать Родину? – спросил Романовский. – Нам, значит, веры нет. А проходимцу Троцкому, немецкому агенту Ленину, есть. Так что ли? Смею вас уверить, большевики скоро перегрызутся между собой, будут убивать друг друга как заклятые враги. Их не жалко, жалко народ, который при этом пострадает. Впрочем, он и так уже страдает.

Штабс-капитан долго молчал. Потом сказал:

– Я встречался с Алексеем Алексеевичем Брусиловым в Москве. Он лечил руку после ранения. Сказал, что теперь другой дороги у нас нет. И он собирается стать красным командиром.

– Наивный Алексей Алексеевич. Большевики еще отплатят ему за его услуги, как и другим перебежчикам. Скорее всего, господин штабс-капитан, вы будете расстреляны.

Содержали пленного красного офицера в подвале казенной винной лавки №105 за решетчатой дверью. Он нашел за огромной дубовой, пустой бочкой бутыль с вином, пригубил. Так и ожидал своей участи.

Вечером пришла Анна Белоглазова. Пожилой солдат, охранявший подвал, нахмурился: «Не положено». «Да ладно тебе, служивый, – улыбнулась Анна. -Хочу комиссара напоследок своим дыханием согреть. На небесах-то, поди, ему никто такого внимания не окажет. Хаха. Хочешь, и тебя поцелую». «Тьфу, – сплюнул солдат, а потом тоже расхохотался, махнул рукой. – Ладно, чего уж там. Помилуйтесь. Только не долго. Но ротмистру все одно доложу».

Когда солдат поднялся по лестнице и скрылся в лавке, атаманша подошла к решетке, за которой на корточках, обняв колени, сидел штабс-капитан. Перед ним стояла бутыль с вином.

– Ну что, Володенька, кукуешь? Жаль если такая красота пропадет.

– Тебе чего? – невежливо откликнулся арестант.

– Как что? Я же тебя на шпагу взяла. По законам военного времени ты мой, а тебя хотят у меня отнять. Неправильно, нечестно. Хоть бы дали разок тобой попользоваться, а там уж и в расход. Ха-ха. Да, теперь с врагами строго. Девчонки из артиллерийской роты говорили, что до Первого кубанского похода, полевой суд пленных, в основном, оправдывал. А вот после позора под Екатеринодаром судьи злыми стали, никого не щадят. Так что плохо твое дело, Володенька.

– Не твоя забота.

– Влюбилась я в тебя. Ха-ха. С первого взгляда. Не веришь? Хочешь, вместе убежим? Убью сейчас этого старика и убежим.

– Иди куда шла.

– К тебе и шла. Никогда еще таких глаз, таких пшеничных волос, таких сладких губ еще не встречала. Люблю. Не веришь?

– Уйди уже. Устал от тебя. Спать хочу.

– А со мной не хочешь? Готова на все. Хочешь, перед тобой прям сейчас разденусь?

Половников ухмыльнулся, прильнул к железной решетке:

– Ну, давай.

Анна хмыкнула, скинула портупею, затем сняла оливковый бекеш.

– Да ты больная, – изумился Половников, когда Белоглазова начала расстегивать гимнастерку.

– Ага, – согласилась Анна.

– Солдат! – крикнул, поднявшись, Владимир.

Когда страж появился, попросил немедленно вывести «эту даму». «Твоему начальству расскажу. Вместе со мной расстреляют». «Да ну вас, – вздохнул пожилой солдат, уверенный, что девица пришла к своему возлюбленному. Он и представления не имел, что она командир партизанского отряда. Надо ему то знать? Теперь все сажают- и те, и эти. Горе кругом, несчастье, хоть как-то людям жизнь скрасить. Зачтется.

Опять рассмеявшись, Белоглазова пошла к выходу. По пути сунула служивому полтинник. Тот замялся, но взял.

– Эй, как там тебя… – остановил её штабс-капитан. – Если в самом деле любишь, помоги жизнь сохранить.

Анна быстро вернулась, схватилась за железные прутья:

– Все для этого сделаю. Моим будешь.

Генерал Деникин безмятежно отдыхал в своей комнате, когда к нему ворвалась Белоглазова. За руки сзади ее хватал адъютант командующего поручик Востряков: «Я ей говорю, что Антон Иванович отдыхает, а она и слушать не желает, ваше превосходительство». Генерал несколько смутился, что дама застала его на кровати, да еще в полуразобранном виде – в исподней рубахе, с босыми ногами. Хорошо хоть галифе не успел снять. Ну, девица, ну огонь. Хотел спросить, что ей надобно, но Анна опередила Деникина. Подскочила кровати, схватила генерала за локоть – невиданная вольность в армии.

– Отдайте мне штабс-капитана Половникова! – выпалила она.

– Что? – не понял Деникин. – Извольте изъясниться понятнее, госпожа Белоглазова.

В штабе так пока и не придумали, какое воинское звание присвоить атаманше. Московское училище ведь не закончила, переворот Октябрьский помешал. А потому обращение к ней по чину среди офицеров-добровольцев вызывало затруднение. Между собой они звали просто Бестией. В глаза – госпожа атаман. В это они вкладывали некоторый сарказм и пренебрежение. Баба она и есть баба и не следует ей командовать мужиками.

– Ну, тот красный офицер, которого я взяла на шпагу в станице Плоской, брусиловец.

– Помню, – кивнул Деникин, показывая рукой поручику Вострякову, чтобы тот подал ему китель. – Позвольте привести себя в порядок.

Анна отвернулась. Одевшись, генерал сел за стол. Сапог надевать не стал, сунул ноги в просторные валенные тапочки.

– Помню, – повторил генерал. – Так что же вы хотите?

– Полевой суд наверняка приговорит его к расстрелу.

– Возможно, – согласился Деникин. – Зверства сорокинцев невозможно описать словами. Впрочем, вы сами все прекрасно знаете.

– Спасите его, ваше превосходительство, – вдруг взмолилась Анна. – Я что хотите для вас сделаю.

Она опустилась перед командующим на колени, чем напугала и его, и поручика.

– Что вы, встаньте, мадемуазель… тьфу, госпожа Белоглазова. Анна Владимировна, извольте подняться!

Под локти атаманшу подхватил поручик Востряков, но она больно ударила его по рукам.

– Ноги вам целовать буду.

– Да что же это такое…, – поднялся Деникин, сдвинув своим грузным телом круглый стол с закрытыми картами. – Вам-то что за дело до штабс-капитана?

– Люблю его!

– Что? Ах, вот как. Были с ним разве ранее знакомы?

– Нет.

– Когда же тогда успели?

– Не знаю, ваше превосходительство. Сердце как шашкой пронзил. Пощадите его.

Генерал собирался возмутиться, сказать, что здесь армия, а не девичий пансион, где можно предаваться любовным мечтаниям. Но прикусил язык. Сам ведь женился недавно на девице Ксении Чиж, которая младше его аж на 20 лет. Любит её больше всех на свете, готов за нее на все, кроме одного – предать Родину. Сердцу не прикажешь и никакая война его желаниям не помеха.

– Так вы что ж…, – замялся генерал, подбирая нужные слова, – хотите сочетаться узами брака?

– Я готова! – выпалила Анна.

Антон Иванович не смог сдержать улыбки.

– Ну а он, то есть штабс-капитан?

– Куда он денется!

Деникин развел руками, восприняв эти слова по-своему.

– Ну, ежели за ним суд не признает серьезных воинских преступлений, коль он захочет искупить свою вину… свой промах кровью в рядах Добровольческой армии, пожалуй, я замолвлю слово.

– Захочет, ваше превосходительство. Благодарю.

Теперь стражу в винной лавке пришлось дать целый рубль. Штабс-капитан мирно похрапывал в обнимку с бутылью, прислонившись головой к железной решетке. Анна бесцеремонно его растолкала за плечо, ударила сапогом по ржавым прутьям.

Когда Половников раскрыл осоловевшие от вина и сна глаза, рассказала ему о беседе с командующим. «Покайся на суде, Володенька, скажи, что по принуждению вступил в большевистскую армию, собирался вот-вот сбежать к добровольцам, но тебя опередили, взяли в плен». «Не привык врать, – ответил упрямо Половников. – Я офицер. Честь превыше всего. Я уже объяснял вашему начальнику штаба, почему пошел к красным. Генералы страну профукали в Германскую, потом в Феврале, а теперь освободителей Родины из себя корчат. Смешно. Кто ж им поверит? Только дураки. К таковым себя не причисляю. Красные пока что еще ничего скверного для России не сделали. Вон, мир с немцами подписали. Да, сомнительный. Но если не можешь победить, умей вовремя отступить, чтобы выжить.

– Я люблю тебя, – сказала, припав к решетке Анна.

– Ты взбалмошная, капризная баба. Не верю тебе, потому что такой любви не бывает.

– Бывает, Володенька! – воскликнула Анна, чуть не плача.

– Все, я спать хочу. – Штабс-капитан спустился на несколько ступеней, сел на лестнице, обхватив голову руками, словно защищаясь от дальнейших речей девицы. -Уходи.

А на открытом полевом суде, который состоял из офицеров и солдат армии, к удивлению Анны, вдруг заявил, что попал к красным по принуждению. Забрали в большевистское ЧК во время облавы в Ростове. Били, издевались, пообещали расстрелять, если не согласится вступить в отряд комиссара Ивана Сорокина. Не выдержал. А теперь просит снисхождения за свою слабость, и готов кровью искупить свою вину в рядах славной Добровольческой армии.

Белоглазова верила и не верила своим ушам. Только вчера Володенька производил впечатление цельной, несгибаемой натуры. Она уж решила, что ничего исправить нельзя. И вдруг…

Полевой суд, на котором присутствовали генералы Деникин, Марков и Романовский, помиловал штабс-капитана Владимира Половникова, учтя его прежние заслуги в Российской императорской армии. Начальник штаба Романовский поздравил Половникова и спросил:

– А вы, господин штабс-капитан, за восстановление монархии или за Учредительное собрание?

Вопрос поставил Владимира в тупик. Но начальник штаба задал его не случайно. В последнее время в армии стали вновь преобладать монархические настроения, в них даже обвиняли и его. Но он был убежденным сторонником революционной демократии. А вот генералы Алексеев и Дроздовский уже не скрывали своих монархических взглядов. Офицеры армии раскололись на два лагеря.

Половников почувствовал подвох в вопросе, ответил осторожно:

– Думаю, сначала нужно закончить Гражданскую войну, а потом уже народ сам разберется по какому пути ему идти.

– Народ легко обмануть, – резко сказал Романовский, – принудить, наконец. Если верить вам, то и вы не по доброй воле записались к большевикам. Толпу нужно направить в нужное русло, но обратно, в монархию, которая и погубила Россию, она уже точно не вернется. Во всяком случае, я рад, что вы, как я понял, за новое Учредительное собрание.

Однако эти слова относились вовсе не к штабс-капитану. Адресованы они были генералу Маркову, который и приписывал Ивану Павловичу монархические пристрастия. Начальник штаба решил прилюдно еще раз подчеркнуть свою политическую позицию.

– Я не забыл ваших слов, что вы не доверяете генералам, – сказал начальник штаба, – но согласился временно про них забыть по просьбе командующего Деникина.

Анна, конечно, была рада такому исходу, что штабс-капитан выполнил все ее советы. И все же осталась во рту какая-то неприятная горчинка.

Половникова приписали к партизанскому отряду Анны Белоглазовой.

Они теперь жили вместе никого не стесняясь. Девушка была счастлива. Каждый раз, когда она засыпала на плече Владимира, благодарила Бога, что он послал ей такое счастье, которого она, возможно, и не заслужила. Боялась спугнуть. Воевали тоже вместе. Как и прежде отряд совершал внезапные налеты на противника и штабс-капитан показал себя довольно славным воином. Сначала он был в подчинении хорунжего Куликова, а после нескольких успешных операций, Анна позволила ему командовать взводом из пятнадцати казаков.

Как-то в середине мая стало известно, что в станицу Староминскую прибывает эшелон с крупным пополнением большевиков. Решили подорвать пути на мосту через реку Ея. Устроить засаду. В это же время командующий Деникин приказал партизанам Белоглазовой отсечь подвоз боеприпасов красных в станицу Егорлыкская. Пришлось разделиться.

– Справишься? – заглядывала в глаза Владимиру Анна.

– Не сомневайся. Я же пока не давал повода сомневаться в себе.

– Не давал, – припала подбородком к колючей щеке штабс-капитана атаманша. – Люблю тебя.

Владимир, как всегда на проявление чувств ничего не ответил. Он вообще ни разу не сказал, что любит Анну. Но это её почему-то устраивало. Она упивалась своей любовью.

На следующий день пришла скверная весть – отряд Половникова сам попал у станицы Канеловская в засаду. Видимо, комиссары предвидели, что деникинцы попытаются остановить эшелон или на реке Ея, или на Сосыке. Часть партизанского отряда была перебита, остальных вроде бы взяли в плен. Есть ли среди них штабс-капитан, неизвестно.

Ротмистр Бекасов с самого начала подозрительно относился к Половникову, говорил казакам, что «с этим перебежчиком, мы еще хлебнем». Возможно, неприязнь была связана тем, что он сам вздыхал по Анне. В ней для него сошлись все качества женщины, о которых он мечтал: красота, страстность, преданность, решительность. И некая терпкая изюминка, которой не было более ни у кого. Но преданность и любовь были адресованы, к сожалению, не ему. Еще до появления в отряде Половникова, он пытался сблизиться с Белоглазовой, но постоянно, словно стучался в закрытую на тысячи замков железную дверь. Однажды Анна, видя страдания Петра, взяла его за руку:

– Знаете, ротмистр, почему люди влюбляются? Потому что в объекте своего обожания, они видят продолжение себя.

– Нередко ошибочно, – буркнул Бекасов.

– Да, ошибочно, но это не меняет дела. Человек натура несовершенная и пытается другим, дополнить себя. Вами же у меня нет желания себя продолжать, потому что мы слишком с вами похожи.

Но Бекасов не оставлял надежды расположить к себе Белоглазову, даже когда у нее появился Половников.

Теперь же конкурент, возможно, попал в плен или убит. Эту новость Анна, вернувшись с задания, восприняла внешне спокойно. Собрала в хате помощников.

– Что предлагаете, господа?

– По нашим данным, пленных держат в станице Канеловской, – сказал один из казаков. – Но где именно, неизвестно. Там теперь довольно большой гарнизон красных. Наскоком мы не сможем их отбить. Нужно выслать разведчиков.

Белоглазова никому не могла поручить это задание. Хотела взять с собой двух казаков, но к ней в компаньоны напросился ротмистр Бекасов.

– Зачем тебе? – удивилась Анна. – Ты по определению ненавидишь штабс-капитана.

– Но я люблю тебя, – ответил ротмистр, – и сделаю всё, чтобы сделать тебе хорошо.

– Даже во вред себе?

На это Бекасов ничего не ответил.

Теперь они стояли вдвоем на берегу реки Ея.

Спустившись с косогора, рощей добрались до утлого мостика. Подбадривая коней, переправились по нему. В зарослях ивы спешились, привязали жеребцов к стволам деревьев. Когда вышли на поляну, к хутору, уже почти стемнело. У колодца четверо солдат жгли костер. В окнах дома света не было. Возле пристройки и амбара вроде бы тоже никого. Видимо, передовой пост перед станицей.

Анна кивнула Петру: «Как договаривались». Приблизительный план действий прикинули еще по дороге. Если на хуторе окажутся красные сторожевики, одно, если нет- другое.

Бекасов передернул затвор кавалерийского карабина, снова забросил его за плечо, подправил под шинелью Кольт и гранату, перекрестился. Зашагал быстрым уверенным шагом прямо к костру. Увидев его, двое солдат с красными лентами на зимних шапках, поднялись, вскинули ружья: «Стой! Кто такой?»

– Петр Ильич Бекасов, – ответил ротмистр.

– Кто? – удивился ответу один из служивых. У него был длинный, раздвоенный на кончике, как надрезанный ножом огурец, нос.

– Глухой что ли?

– Что тут делаешь, куда идешь?

– Жену выгуливаю?

– Чего?

– Точно глухой. Жену, говорю, выгуливаю, гулящая она у меня.

– Гулящая? – пуще удивился солдат.

– Ага. Да вот она.

Из зарослей вышла Анна в оливковом бекеше, с разбросанными по плечам почти белыми волосами. Кобуру с Маузером она оставила на седле жеребца.

При виде красивой девушки, поднялись и остальные солдаты. Не из почтения, из удивления.

– Эта что ль, гулящая, – сглотнув, спросил солдат. Остальные его приятели стояли, открыв рты.

– Я, – встряхнула великолепными волосами Белоглазова. – Ну, кто желает испытать мою страсть? Ты?

Она подошла к носатому бойцу, притянула его к себе за облезлый ремень. Засопела в его волосатые ноздри: «Ну-у».

– Чего тебе? – испугался солдат.

– Да ты не бойся, пощупай какая я хорошая.

Анна взяла его руку и засунула ее себе под бекешу.

– Чуешь?

Солдат начал моргать.

– Чуешь? – переспросила Анна.

– Чую, – наконец ответил боец.

«Что там, Никодим?» – заинтересовались его товарищи.

– Ну, так ответь приятелям, чего застыл, как стеклянный.

– Граната.

– Что? – сделал шаг вперед другой солдат, но остановился, когда Никодим повторил: «Граната».

– Правильно, граната, – одобрительно похлопала по плечу Никодима Анна. -Будете плохо себя вести, отпущу рычаг. Нам с мужем терять нечего. Он такой же псих, как и я. Правда, любимый?

– Правда, жена, – ответил Бекасов. Расстегнул шинель, продемонстрировав две гранаты за поясом. – Ружья кладите.

Солдаты тут же выполнили приказ, подняли руки.

Беседа у костра продолжалась недолго. Выяснилось, что на хуторе больше никого нет. Хозяева давно сбежали- то ли от красных, то ли от белых. В станице Канеловской целого гарнизона красных уже нет. Утром два полка комиссара Сорокина были отправлены ближе к Екатеринодару, так как стало известно, что деникинцы вновь собираются штурмовать город. В станице осталось две роты – пехотная, артиллерийская и штаб. На днях должны выдвинуться и они. Пленных белых казаков расстреляли. Оставили в живых только одного.

– Кого? – взяла Анна за воротник шинели носатого.

– А я знаю? Их в расход за баней пускали. Поставили шеренгой, а перед самым залпом помощник комиссара Берзиньш, латыш, прибежал и одного с собой забрал. Офицера.

Анна и Бекасов переглянулись. На лице Белоглазовой промелькнул испуг.

Солдат заперли в подполе хаты. Петр сказал, что сверху на дверцу приладил гранату и если они попытаются вылезти, сразу же подорвутся. Напоследок узнали, где в станице штаб и где квартируют комиссары.

Забрали своих коней. Вдоль реки поехали к станице. За холмом, у первых домов, спешились. Собаки, почуяв чужаков, зазвенели цепями, злобно залаяли. Атаманша вынула Маузер из кобуры, спрятала под бекешу.

Бекасов собрался идти с Анной, но она его остановила:

– Позволь, я сама, Петя… Ладно? Ты же понимаешь…

Пробиралась к штабу вдоль заборов, мимо еще добрых и сожженных домов. То ли бои здесь были, то ли комиссары подпалили жилища неугодных им казаков.

Штаб находился в крашенной желтой краской хате, как и говорили солдаты, сразу за рынком, у магазина с вывеской «Молочная торговля». В доме горел свет.

Белоглазова, пригибаясь, осторожно подобралась к краю строения. Попыталась встать на выступ, чтобы заглянуть в окно. Нога сорвалась и Анна ударилась подбородком о стену. Выругалась. Решила повторить попытку, но кто-то ухватил ее за воротник, встряхнул:

– Что, попалась, птичка?

Её держал за шиворот огромный матрос в бескозырке. Он был опоясан пустой пулеметной лентой, за поясом – Наган. Глаза его горели в ночи желтым огнем, как у кота, поймавшего добычу.

– Чего тебе тут надо, а?

Анна уже нащупала Маузер, но передумала его применять. Услышат выстрел – все пропало.

– Гулящая я, – сказала она, повторив сцену на хуторе.

– Что?

– По желтому билету работаю. Что тут непонятного? Вот, думаю, может товарищам комиссарам на ночь что нужно. Я все умею.

– Так уж и все, – несколько остыл матрос. – Мы, большевики, люди порядочные и высоконравственные, у нас это… запрещено.

– Да ладно, сказки-то рассказывать, запрещено, – покривилась Анна. – Природа у всех мужиков одна или вы больные поголовно, а?

Матрос задумался, потом расхохотался:

– А ты не промах. И на личико ничего себе. Ладно, может и сгодишься.

Матрос потащил Анну по крутым ступенькам крыльца, коленом открыл дверь, потом вторую.

В просторной комнате за круглым столом сидели пятеро мужчин, играли в карты. Двое в кожаных танкистских куртках. Такие теперь носили комиссары. Дым от папирос стоял столбом. Тем не менее, в комнате было довольно светло от нескольких керосинок и двух свечей. Одна из них в бутылке из-под мадеры горела на столе.

– Вот, товарищи, набивается скрасить ваш вечерний досуг, – сказал матрос.

Игроки обернулись. Среди них был штабс-капитан Половников. Он кинул на стол карты, поправил наброшенный на плечи офицерский китель без погон.

– Ну что, Володенька, кукуешь? – повторила Анна с ухмылкой вопрос, который впервые задала штабс-капитану в подвале винной лавки.

– Вот эта встреча! – всплеснул руками Половников. Китель свалился с его плеч. Он остался в белой исподней рубахе. – Знакомьтесь, товарищи. Атаманша, командир отдельной партизанской бригады Добровольческой армии Анна Владимировна Белоглазова собственной персоной.

«Как?!» – воскликнули комиссары хором. Встали с мест.

– Да. И моя сожительница. Влюбилась в меня с первого взгляда, как кошка. Если б не она, расстреляли б меня деникинцы, не моргнув глазом. Благодаря ей же, командованию Красной армии теперь многое известно об этой, с позволения сказать, армии – состав, вооружение, контакты с союзниками, атаманами станиц и, главное, планах. Если б генерал Деникин узнал об этом, он бы собственноручно пристрелил красавицу.

«Краси-вая», – протянул один из комиссаров.

– Можете оценить эту красоту, так сказать, теперь вплотную, – продолжал Половников. – Сама же пришла. Раздевается, друзья, по первому щелчку. Ну, Анна, покажешь номер?

Высокий, худой как жердь большевик, задвинул с грохотом под стол стул. Выпятил вперед бородку клинышком:

– Как она вас нашла, товарищ Половников? Может, привела с сбой целую армию!

– Успокой своего приятеля, Володенька, – ответила Белоглазова. -Никакой армии за мной нет. Ты верно сказал, я влюбилась в тебя как кошка, с первого взгляда. И вот пришла спасать тебя. А ты, оказывается, ни в каком спасении не нуждаешься.

– Милая Аннушка, – подошел к Белоглазовой штабс-капитан, дыхнул на нее дымом от папиросы, – неужели ты и в самом деле решила, что я свяжу свою судьбу с такой безголовой оторвой, как ты? Что буду воевать на стороне генералов, которые спустили в помойную яму великую империю? Они прошлое, ушедшее безвозвратно. Что они могут дать русскому народу? То, чем он уже сыт по горло – рабство, нищета и бесправие. От вашей армии пахнет нафталином и перхотью. Вас всего несколько тысяч, нас тьма, потому что на нашей стороне свобода и правда.

– Ты прав, Володенька, как всегда прав. На вашей стороне – тьма. Но я пришла сказать, что люблю. Безмерно люблю.

Пухлый комиссар в монокле осклабился. Худой засопел волосатыми ноздрями, упрямо повторил вопрос:

– Как она сюда попала?

– Нетерпеливые какие у тебя друзья, Володенька, – вздохнула Анна. – Что ж, щелкай пальцами, любимый.

Белоглазова засмеялась, но в глазах её штабс-капитан, кажется, увидел навернувшиеся слезы. Это его еще больше насторожило. Пора было прекращать комедию и в самом деле разобраться, как она узнала, что он здесь и как пробралась в станицу. А главное, для чего? Неужто и вправду за ним?

Анна спокойно достала из-под бекеши Маузер. Комиссары застыли будто в немой сцене. Только матрос стал пятиться к двери.

Его она пристрелила первым. Затем уложила комиссара с клинообразной бородкой, задававшего много вопросов. Остальные, вместе с Половниковым, отскочили в угол комнаты, где висела икона с погашенной лампадой. У всех в кобурах были револьверы, но от страха они забыли про них.

Когда прогремели еще два выстрела и большевики упали на пол, забрызганный их кровью штабс-капитан, опустился на четвереньки, пополз к Анне.

– Не стреляй, не надо!

– Что ты, разве я могу убить любимого человека! Я же пришла за тобой. Пойдешь?

– Куда скажешь. Хоть на край света.

– И снова мы будем жить и воевать вместе?

– Да!

На улице раздался взрыв, окно осыпалось осколками, часть рамы провисла в комнату. Внутрь ворвался ротмистр Бекасов. В руке он держал поднятую вверх гранату:

– Ложись, всем на пол!

Но увидев живую – здоровую Анну и убитых большевиков, опустил бомбу. Уставился на Половникова, ухмыльнулся:

– А-а, штабс-капитан… В картишки режешься?

Он подцепил мыском сапога червонную даму, отшвырнул к печке с чугунком картошки. Её подняла Анна, покачала головой:

– На червонную даму мне когда-то гадала цыганка, сказала, что ждет меня безумная, однако роковая любовь. Ты любишь меня, Володенька?

В углу зашевелился один из комиссаров. Как оказалась, пуля пробила ему плечо:

– Это Половников сдал нам отряд ваших добровольцев, – сказал он с выраженным прибалтийским акцентом. – Специально к засаде привел. Он постоянно держал связь с нашей контрразведкой. Его здесь, по незнанию, чуть не расстреляли, я спас.

– Ты тот самый Берзиньш?

– Вам отсюда не выбраться, – ответил латыш, застонал.

– Видишь, Володенька, что ты натворил, – с иронией сказал ротмистр Бекасов. -Сколько людей из-за тебя погибло- и белых, и красных. Нехорошо.

– Это правда? – не глядя на штабс-капитана, спросила Анна. – Верно, что ты… был агентом большевиков?

Половников нервно раскачивался на каблуках, будто его штормило ветром. Вдруг прорвало:

– Да! Да! Ненавижу вас, ненавижу! Кем я был? Адъютантом самого Алексея Алексеевича Брусилова, героем! Вы же устроили в феврале переворот, отдали власть недоумку Керенскому. А потом не смогли справиться и с ним. Уничтожили всё – и монархию, и страну, а вместе с ней мою карьеру, жизнь. Теперь я хочу одного – свободы! Ото всех!

– Я, значит, виновата…

– В первую очередь, потому что служишь этим… карикатурным, никчемным старикам-полководцам, этим ублюдкам, которые только и могут что витиевато и учтиво изъясняться на собраниях, а за глаза обливать друг друга грязью. Армия… ха-ха..Умственные калеки-генералы, полуспившиеся офицеры-дезертиры, казачий сброд и юнкера-романтики. Ну, какой из Деникина командующий? Ему бы только на санях с бабами кататься.

– Я, Володенька, служу только себе. С тобой же мне все ясно. Можешь не продолжать.

Белоглазова подняла Маузер, навела на грудь штабс-капитана. Тот втянул живот, прекратил дышать. Но глаз не отвел. В них пылал отчаянный гнев. Когда палец уже начал сдавливать спусковой крючок пистолета, Анна перевела ствол на Бекасова и выстрелила. Ротмистр упал на тело мертвого матроса. Другим патроном она добила латыша. У Половникова от страха подкосились ноги. Опустился на лавку. Анна взяла его за отворот кителя:

– Ты жаждешь свободы? Иди.

– Что?

В глазах его уже не было решимости, только ужас.

– Ты свободен, иди, я тебя не держу, Володенька. Я люблю тебя.

– Сумасшедшая, ведьма, – прошептал Половников. Нашел силы подняться. – Ну, я пойду?

– Сказала же, иди.

Анна села за стол, положила на него пистолет.

За окном, совсем близко раздались выстрелы, а через мгновение в комнату ворвались несколько большевиков с револьверами и ружьями. «Мать честная, – вырвалось у одного из них, когда он увидел горы трупов, – Это что здесь?..»

– Возьмите её, – сказал Половников. – Это та самая Белая бестия, атаманша отдельного партизанского отряда полка генерала Маркова.

Анну грубо кинули на пол, придавили сапогами. Кучерявый, похожий на Троцкого комиссар в коричневой кожанке и казачьих шароварах, взял ее за подбородок: «Приятно познакомиться, барышня». «И мне приятно лицезреть нос к носу настоящего пархатого большевика. Ха-ха. Пошел вон, скотина».

Она вцепилась зубами в ладонь комиссара, стала рвать ее, словно собака. Атаманшу удалось оторвать от «Троцкого» только ударом приклада по голове. Все лицо ее залила кровь – своя и комиссарская. Анна смеялась.

– Уберите эту сумасшедшую, сам допрашивать буду! – скрипел зубами комиссар, затягивая покусанную руку лоскутом скатерти со стола.

Белоглазову потащили к выходу. Она уперлась сапогом в дверь:

– Обождите. Володенька, так и подарка моего не увидишь, отберут ведь.

– Какого подарка? – хмуро спросил Половников, стараясь унять дрожь в ногах.

– Да как же, не с пустыми же руками я к тебе шла столько верст. Отпустите же, Маузер-то вон, на столе.

Комиссар переглянулся с Половниковым, кивнул. Солдаты отпустили Анну. Она перевела дух, распахнула бекешу, спокойно вынула гранату Рдултовского.

Штабс-капитан присел. Солдаты начали креститься. Белоглазова делала все спокойно, как по инструкции – сжала ручку гранаты Р-14, сдвинула зажимное кольцо вперед, затем передвинула большим пальцем руки предохранительную чеку.

– Запал внутри, можете убедиться, – продемонстрировала она комиссару голову бомбы, оснащенную взрывателем. – Не на земле, Володенька, вместе, так на небесах будем.

– Не хочу! -закричал штабс-капитан.

– Мало ли что не хочешь. Надо.

Анна отпустила рычаг, внутри гранаты раздался хлопок наколотого бойком капсюля взрывателя.

Солдаты попытались выскочить в дверь, но застряли в узком проеме. Половников заметался по комнате. Упал, в конце концов, под стол, закрыл голову руками. Комиссары стояли, раскрыв рты, прижавшись к стенам.

Но… взрыва не последовало. Когда стало ясно, что его и не будет, оттаяли. Комиссар взял бомбу в руки, покрутил перед глазами:

– Вот она прогнившая монархия во всей красе, даже гранаты нормально делать не могла, потому и рухнула.

Подошел к Анне, ударил с широкого разворота кулаком в лицо. Она отлетела в угол комнаты, ударилась о край печи, осела без чувств. Из ушей потекла кровь.

– Вот ведь стерва. Как она сюда попала, Половников? Этот что ль подарок она вам принесла? Чушь какая-то.

Штабс-капитан встал, отряхнул широкие галифе, собирался что-то сказать, но не успел. Ротмистр Бекасов стрелял из-под руки мертвого матроса. Он пришел в себя как раз вовремя сцены с гранатой. Вспомнил, что в него стреляла Анна, но почему- пока задумываться не было время. Пуля попала во фляжку с коньяком, которая лежала у него в нагрудном кармане, в тело не вошла, но от сильного удара, вероятно, сломала несколько ребер. Дышать было трудно.

Выпущенная Бекасовым из Кольта М1911 одиннадцатимиллиметровая пуля попала прямо в глаз Половникову. Кровью и мозгами забрызгало почти всю заднюю стену комнаты. Почти сразу упали на пол комиссары и один солдат. Другому удалось выскочить из дома. Он закричал, что штаб захватили кадеты.

С трудом поднявшись, Бекасов подполз к Анне, пощупал пульс. Она была жива. Приводить в чувство? А зачем, сейчас сюда ворвется свора большевиков, растерзают как волки. Уж лучше пристрелить ее, потом себя. Ну, себя, конечно, последним патроном.

Бекасов поменял в Кольте магазин, приставил дуло к виску Анны. Но нажать на курок не мог.

В окне посыпались оставшиеся стекла, пули стали разрывать глиняные, беленые стены. В них появлялись большие черные воронки. По дому били из пулемета, причем одной, длинной очередью. Стали стрелять и по двери. Вскоре она превратилась в решето. «На этот раз, точно конец», – подумал ротмистр.

Внезапно стрельба рядом стихла, теперь она начала раздаваться поодаль, кто-то закричал: «Кадеты! Кадеты!»

В свете яркой майской луны по улице с диким улюлюканьем пронеслись всадники. Через какое-то время, ещё.

Бекасов осторожно выглянул в окно. Это были белоглазовцы. Они гоняли по площади рынка большевиков. Рубили их с плеча, с оттяжкой шашками. «Здесь мы! – закричал ротмистр. – Сюда, братья!»

Прапорщик Ильин из разведгруппы первым приблизился к окну: «Вы что ль, ваше благородие? «Я, кто же еще!» «А где Анна Владимировна?». «Здесь. Вовремя вы объявились. Но каким образом?» «Объявляется черт за колодой, а мы прилетели, как ангелы небесные. Знали же, куда вы направились. Девку всегда надобно блюсти, хоть и атаманшу. Сердцем чуял, что вляпаетесь. Слава богу, успели».

Бекасов вынес Анну на воздух, дотронулся трясущейся рукой до ее бледной, измазанной кровью щеки. Она открыла глаза.

– Петя, – прошептала она, – я же тебя убила.

– Плохо значит убила, – ответил ротмистр. – Эй, кто-нибудь, найдите лекаря и повозку.

Казаки помчались по дворам. Там изредка еще раздавались выстрелы. Партизаны добивали в станице красных.

Анна опять потеряла сознание. Видимо, сотрясение было очень сильным.

В какой-то момент она вновь пришла в себя, прижалась к ротмистру, который все еще держал ее на руках. Прошептала: «Я люблю тебя».

Кому были адресованы эти слова – ему, или убитому штабс-капитану Половникову, Бекасов не понял. Но хотелось верить, что ему. Ведь каждый живет надеждой и ожиданием весны.

Без надежды, вся жизнь человеческая всего лишь бесконечная, холодная белая метель.

Особое задание ротмистра Бекасова

Ветер носил по станице Манычской клубы пыли и обрывки газет. Бросал в воды распаренного от раннего лета Дона, напечатанные в них новости о занятии Ростова 1-ым экспедиционным немецким корпусом и установлении в Киеве режима гетмана Скоропадского.

Жутко гудел этот ветер окаянной нежитью в печной трубе хаты, где размещался штаб генерала Деникина. Глиняную трубу утром пробило осколком снаряда, выпущенного с пригорка по станице отрядом большевиков. Откуда он взялся, непонятно. Разведка генерала Маркова, который теперь командовал 1-ой пехотной дивизией Добровольческой армии, накануне докладывала, что сорокинцы находятся по линии станция Торговая- станицы Егорлыкская-Тихорецкая, а это почти на 80 верст южнее Манычской. Конники Эрдели мигом нагнали большевиков. Их отряд состоял из двадцати человек. У них оказалась короткоствольная пушка, из которой они и обстреляли Манычскую. Драться не пришлось. Завидев всадников в черных бурках и низких серых шапках с белой лентой, большевики сразу подняли руки. Нескольких сходу зарубили, остальных погнали в станицу. Эрдели передал пленных марковцам, а те недолго думая, расстреляли их на берегу Дона.

«Как же так, Сергей Леонидович, – возмущался командующий армией Деникин, когда к нему по его приказу пригласили генерала Маркова. – Вы же прекрасно осведомлены о новой статье в Уголовное уложение по борьбе с самосудами. Созданы специальные комиссии, которые призваны нещадно наказывать за подобные проступки. Мы обязаны демонстрировать всему миру накануне нового, надеюсь, исторического похода, наш гуманизм и стремление к справедливости. А такие инциденты не прибавляют нам авторитета. Разве вы забыли слова из листовок, которые мы везде распространяем: Я доброволец – люблю даже тех, с кем сейчас воюю. Я, по приказу своего вождя, генерала Деникина, не расстреливаю, а беру в плен и придаю правосудию, которое страшно только для врагов народа – комиссаров, коммунистов».

Генерал Марков был как всегда в своей белой высокой, не пропорциональной голове, папахе, с аккуратно подстриженной бородкой. В глазах – не гаснущий героический, веселый блеск. Да он и был героем. Именно Марков в начале апреля спас у станицы Медведовской отступающую после неудачного штурма Екатеринодара Добровольческую армию от полного разгрома. В войсках его прозвали «Ангел-хранитель». И он этим очень гордился. Теперь в его дивизию вошли не только Первый Офицерский и Первый Кубанский стрелковый полки, но и инженерная рота саперов и батарея легкой артиллерии. Впрочем, после Первого, Ледяного, как принято теперь было говорить, похода стало ясно, что пушки нужно равномерно распределять по всем дивизиям, а не как раньше держать в одной. И теперь ими располагали полки Боровского, Дроздовского, Покровского и Эрдели.

Антон Иванович Деникин был близким другом Маркова, поэтому укоризненные слова командующего тот воспринимал спокойно.

«Извини, Антон, не доглядел за своими орлами», – ответил Марков, положив на стол с картами драгоценную папаху. Он редко носил положенную по уставу фуражку с белой тульей и черным околышем. К середине мая, стараниями генерала Алексеева, все бойцы Добровольческой армии оделись в форму в зависимости от принадлежности к дивизиям. У дроздовцев были малиново-белые фуражки и такие же малиновые погоны с черно-белым кантом. У алексеевцев преобладали бело-синие цвета. У всех на погонах начальная буква фамилии командира, а на левом рукаве – шевроны из цветов русского флага, углом вниз.

«Красные концентрируются у Тихорецкой, Торговой, Белой Глины и Екатеринодара. Немцы подошли к берегу Еи, – говорил Марков. – Может, прав атаман Краснов, нужно наступать на Царицын, там оружие и боеприпасы». «Мы сейчас обсуждаем иную темы, Сергей Леонидович, – поморщился Деникин. Всех подчиненных офицеров он называл по имени-отчеству,

несмотря на личные отношения и симпатии. Его же только Марков позволял себе называть по имени и на „ты“. – Наша обязанность неукоснительно соблюдать все законы и уложения, которые сами же пишем. Иначе грош нам цена».

«Да пойми, дружище, ну как мои люди могут начать вдруг гуманно относиться к большевикам, когда каждый день находят пленных добровольцев со вспоротыми животами и отрезанными ушами. И мирных казаков, которые не хотят отдавать комиссарам хлеб даром, красные режут, как скот. Мы платим крестьянам за пуд по 15 рублей, а большевики просто их грабят. В прошлую субботу за Пухляковской откопали пятнадцать казаков, шедших к нам записываться в добровольцы. Их большевики зарыли в землю живьем. Половину удалось, слава богу, спасти, мы вовремя подоспели. Ну и как мне остановить своих бойцов?»

«Мы не должны уподобляться этим двуногим зверям, господин генерал, как вы не понимаете! – разнервничался Деникин. – Считаю нужным указать вам на необходимость тщательного соблюдения указаний командования Добровольческой армии. Извольте исполнять».

«Слушаюсь, ваше высокопревосходительство».

В штабе, где шла беседа, повисла тишина. Оба генерала переваривали слова друг друга. И вдруг оба рассмеялись официальному тону, на который перешел их разговор.

«Я разберусь, Антон, с офицерами, – сказал, наконец, Марков. – Что там положено по Уложению? Несколько месяцев тюрьмы или штраф. Вот и оштрафую их… рублей на 200. Всех. Думаю, больше расстрелянные большевики не стоят. Кстати, среди них было несколько инородцев-китайцев и азиатцев. Обычное теперь дело в рядах большевиков. Трубу вон в штабе пробили. Ишь, ветер завывает. А могли бы бомбу прямо в окно тебе положить, как в свое время Корнилову. Ты нам, Антон, дорог не менее Лавра Георгиевича. Без тебя и армии не будет».

«Не люблю лести, Сергей Леонидович, знаешь ведь. Наше великое дело держится не на личности, а на святой идее свободы».

И вдруг где-то рядом заиграл «Интернационал». Советский гимн врывался в комнату хаты и, казалось, наполнял все её углы ядовитыми миазмами. Генералы переглянулись, выглянули в окно.

У сарая соседнего куреня на кривоногом столе стоял патефон. Его ручку накручивал солдат в потертой шинели, в старых, ещё царских погонах. Видно, из свежего пополнения. Рядом топтались, дымили союзническими сигаретами и махоркой марковцы с дроздовцами, гоготали. К толпе подошли алексеевцы – подпоручик и прапорщик. Тоже рассмеялись.

«Гениальный все же композитор, этот Пьер Дегейтер, – сказал Деникин. – И слова хорошие. Знал бы поэт Коц какому варварству они послужат. Все революции начинаются с благих намерений, а заканчиваются апокалипсисом».

«Сейчас разгоню весельчаков», – сказал Марков.

«Зачем? – остановил его командующий. – Пусть слушают. Мы боремся не с культурой, а с идеей».

«Культура и несет идею».

«Только свободные духом люди могут осмысленно и до конца бороться за свободу. Это есть наш последний и решительный бой… Разве и не про нас? А победит не тот, кто сильнее, а тот, кто мудрее, человечнее, добрее».

«Ах, Антон, ты жуткий идеалист». «То же самое мне говорит и моя жена Ксения Васильевна. За это и люблю вас, друзья мои».

Интернационал закончился. Солдат поставил другую пластинку. Теперь по улицам станицы, вместе с ветром понеслось «Боже, царя храни!» Кто-то из бойцов опять заржал, другие начали подпевать, креститься. Одни еле заметно, иные открыто, размашисто.

Часы генерала Деникина сообщили изящной мелодией Шуберта о полдне. В штаб командующего вошел генерал Романовский. За ним только что прибывшие в станицу атаман Крас-

нов и кубанский атаман Филимонов. Затем порог комнаты переступили руководитель армии Алексеев, генерал Богаевский и полковник Дроздовский.

Последним вошел, оглядел всех внимательным, колючим взглядом начальник контрразведки Деникина полковник Васнецов. Сел в углу, закинул ногу на ногу, достал золотой портсигар, вынул папиросу, обстучал об палец, но прикуривать не стал. Полковник занял эту должность после возвращения добровольцев из Первого похода. До него контрразведки, как таковой, в армии не было. Грамотно создать ее могли только бывшие служащие Департамента полиции или Жандармского управления. Именно они составляли костяк контрразведывательных отделений Императорских армий. Однако генерал Деникин считал, что в контрразведке Добровольческой армии, борющейся за свободу России, не могут служить офицеры, запятнавшие себя политическим сыском. По его мнению такие люди будут создавать в армии нездоровую обстановку. А потому отказывал даже заслуженным сыскарям. Например, бывшему начальнику Петроградского охранного отделения Глобачеву и бывшему руководителю Особого отдела, директору Департамента полиции МВД Климовичу. Однако контрразведка армии была необходима. В первое время «особыми» функциями занимался сам руководитель армии Алексеев. Так в январе 1918 года он отправил с разведывательным заданием в Петроград опытного следователя, статского советника Орлова. Где он теперь, никому не было известно. И в конце концов контрразведывательный отдел был создан. Ее возглавил полковник Павел Николаевич Васнецов, служивший в свое время при штабе генерала Алексеева. Крепкий, коренастый офицер с якорной бородкой на большом, совиным лице. Круглыми, всегда широко раскрытыми зелеными глазами и крючковатым носом. Такое ощущение, что он всегда высматривал добычу. Высокий лоб, выпуклые надбровные дуги говорили о пытливом уме, а большие, заостренные уши о решительности и даже беспощадности. Ему нравилась его роль «тайного министра» и он с удовольствием ее исполнял. В свой контрразведывательный отдел он отобрал двадцать человек. Полковник тщательно скрывал от Деникина, что некоторые из них служили в полиции, правда обычными городовыми или письмоводителями в конторах. Остальные были бывшими штабными, как и он. Например, ротмистр Петр Ильич Бекасов, в свое время приставленный от дивизии Маркова к атаманше Белоглазовой – Белой бестии, как ее звали добровольцы. После происшествия в станице Канеловской, где она пыталась спасти своего сожителя штабс-капитана Половникова, оказавшегося агентом красных, Анна Владимировна слегла с сильными головными болями. И вроде как даже повредилась рассудком. Командовать отдельной партизанской бригадой Романовский хотел было поручить Бекасову, но начальник контрразведки, узнав как он храбро действовал в тылу большевиков, забрал его к себе. Служба начинала работать довольно топорно. Следили за всеми подряд, даже высшими офицерами. Они это нередко замечали, высказывали свои претензии Деникину. Но командующий только разводил руками – «Ничего не поделаешь, у них служба такая». Однажды генерал Богаевский узнал, что за ним подсматривают агенты Васнецова, когда он уединяется с дамами. Богаевский поймал сотрудника разведки Пяткина и здорово побил. На следующее утро командира 1-ой бригады вызвал к себе полковник Васнецов.

– Не много ли себе позволяете, Павел Николаевич? – вальяжно развалился на стуле напротив Васнецова Богаевский. – Я генерал-лейтенант, а вы всего полковник.

Васнецов, казалось, долго подбирал слова, расхаживая возле генерала, потом резко остановился, приблизил к нему свое совиное лицо:

– Дама, с которой вы вчера изволили быть, жена поручика Сотникова, геройски погибшего несколько дней назад. Моральный облик сей женщины меня интересует мало, но думаю офицерское собрание заинтересует облик ваш, генерал, когда станет известно, что вы вопреки всяким приличиям заняли место мужа, чье тело еще не успело остыть.

Генерал раскрыл рот, но при виде страшных круглых глаз прямо перед собой, не решился ничего ответить. А полковник продолжал:

– 1-го января 1915-го года ваш 4-ый Мариупольский гусарский полк попал в засаду. Вы не стали прорываться из окружения австрийцев, а отдали приказ сложить оружие и сдаться. И только подоспевшие войска Брусилова спасли вас от позора. Вы хотите, чтобы об этом стало широко известно?

– Нет, но я…, – сглотнул и подавился собственными словами генерал. Хотел спросить, откуда это известно Васнецову, но понял, что контрразведчик недаром ест свой хлеб. Встал, поклонился и вышел.

А вскоре Богаевский упросил Деникина отпустить его к атаману Краснову в Донское войско, чтобы якобы «присматривать за своенравным и слишком независимым генералом». Командующий согласился. Но подробности «тяжелой беседы» полковника Васнецова с Богаевским каким-то образом стали известны в армии. И имидж контрразведчика в их глазах резко повысился. С ним теперь наперегонки спешили поздороваться не только обычные офицеры, но и штабные генералы.

– Ба, да здесь концерт, как в Царском селе, – весело сказал полковник Дроздовский. – «Будь нам заступником, верным сопутником…» Славно!

Дроздовский никогда не скрывал своих монархических взглядов, открыто говорил что состоит в тайной монархической организации. Подозревали, что и начальник штаба Романовский не чужд монархическим идеям. Однако он от этого постоянно открещивался и говорил, что сторонник исключительно демократических ценностей. Особенно задевал его по этому поводу генерал Марков. Вот и на этот раз он не удержался, увидев Романовского:

– Прямо, как по вашему заказу, Иван Павлович, – подмигнул он начальнику штаба.

Романовский хотел было что-то колкое ответить, но его опередил генерал Алексеев:

– Не вижу причин для насмешек, господа.

Все знали, что и руководитель армии в последнее время лоялен к монархизму и вроде бы даже создал монархический клуб, о котором открыто говорит Дроздовский. Это не нравилось командующему Деникину, потому что политические разногласия вносили идеологический раскол в ряды добровольцев. Ведь большинство офицеров оставалось верным идеям Февраля и Учредительного собрания, как он сам. И издевка Маркова, как понял Деникин, была адресована не столько Романовскому, сколько Алексееву. Михаил Васильевич в последнее время сильно сдал, плохо себя чувствовал. Стал по виду совсем старичком. Низеньким, согбенным, с заострившимся носом, с впалыми, печальными глазами.

Атаман Краснов начал сходу:

– Еще раз предлагаю совместное наступление добровольцев и моих донцов на Царицын. Он станет базой для дальнейшего продвижения на Среднее Поволжье.

Краснов, после долгих уговоров, все же решил присоединиться ко Второму походу добровольцев, действовать с ними сообща. Немалую роль в этом сыграл Алексеев, который через союзников сумел повлиять на своенравного атамана и фактически принудить его к совместному выступлению. Однако Петр Николаевич постоянно пытался демонстрировать свою независимость, гнуть личную линию.

– Нам, господа, возможно придется положиться на некоторую помощь Четвертого союза, – сказал он.

– Что? – К Краснову вплотную подошел генерал Богаевский. – Я вас правильно понял, вы предлагаете нам пойти на сделку с Германией?

– Правильно поняли, Африкан Петрович, – кивнул атаман. – Только не на сделку, а на временное соглашение. Мы не атакуем их, они нас. Более того германцы, несмотря на мир с большевиками, ударят по ним под Ростовом и придержат за уздцы украинских националистов, банды которых уже гуляют по всей Кубани.

– Это неприемлемо, Петр Николаевич, – тихо сказал Алексеев. – Никогда и ни при каких обстоятельствах Добровольческая армия не пойдет на сговор с заклятым врагом. Это даже

не стоит и обсуждать. Мы собрались для того, чтобы утвердить план Второго похода, главной целью которого является взятия Екатеринодара. Доложите, Антон Иванович.

Краснов развел руками, изобразил на лице обиду, сел у окна напротив Васнецова, приготовился слушать командующего.

Деникин подтвердил, что наступление решено начать в середине июня. Северный Кавказ теперь важнее Поволжья. Первый удар будет нанесен по станции Торговой, через которую проходит железнодорожное сообщение Кавказа с Центральной Россией. Затем армия повернет на Тихорецкую и после захвата нескольких станиц, уже двинется на Екатеринодар. Тактика будет иной, нежели раньше – атаки редкими цепями, каждый взвод выполняет свою отдельную задачу. Управляемый, атакующий хаос. Мелкие укусы с разных сторон, а потом сокрушительный удар железным кулаком из нескольких офицерских полков.

– Теперь конкретно по взятию Торговой. Вам слово, господин Романовский.

Начальник штаба велел ординарцу повесить на стену несколько карт, взял в руку карандаш.

– Вот, господа, извольте видеть. В районе Азов – Кущевка – Сосыка находится армия Сорокина в 40 тысяч штыков при 90 орудиях и 2 бронепоездах. Командующий Калнин почему-то оказался в контрах с Москвой и практически ничем не руководит. Всем заправляет его помощник Сорокин. Итак, у железнодорожной линии Торговая -Тихорецкая порядка 30 тысяч красных из Железной пехотной бригады Жлобы и конной бригады Думенко. Общее число большевистских войск на Кубани не менее 100 тысяч человек. У нас, как вы знаете, 9 тысяч штыков и 21 орудие. Еще одну пушку, захваченную сегодня, чинят. Все наши полки будут сведены в дивизии. 1-ая генерала Маркова, 2-ая генерала Боровского, 3-ая полковника Дроздовского, 1-ая конная генерала Эрдели. Кубанская казачья бригада генерала Покровского и, разумеется, Донская армия атамана Краснова.

– Я уж думал, про меня забыли, – ухмыльнулся атаман. – Как вы, господа, усиленно стараетесь не замечать созданного мною независимого государства – Всевеликого войска Донского.

Начальник штаба Романовский поморщился, как от зубной боли:

– Мы, безусловно, рассчитываем на вас, Петр Николаевич, если ваши отношения с Германией не зайдут слишком далеко.

– Что?! – подскочил со стула Краснов, опрокинув его на пол. – Я поддерживаю с немцами исключительно торговые отношения. И было бы глупо поступать иначе, когда в России нет ни правительства, ни порядка. Главная задача – выжить любой ценой. История нас рассудит. А немцам скоро все равно конец, союзники принудят их к капитуляции. К тому же у них тоже назревает революция. Так с издыхающей овцы, господа, сами знаете что…

– Я не хотел вас задеть, Петр Николаевич, – сказал с несвойственной учтивостью генерал Романовский. – Лишь намерен предупредить. Главное, чтоб о ваших контактах с германцами не узнали союзники, конфуз для всех нас может выйти очень неприятный. Будем выглядеть очень бледно. Позвольте продолжить?

Деникин кивнул.

– Итак, господа, тактика обманных маневров, предложенная командующим генералом Деникиным. Вы о ней уже знаете. Первой с юга начнет наступление на Торговую дивизия Боровского. Редкими цепями. Как только враг откроет огонь, левый фланг прекратит атаку, заляжет. Её продолжит правый фланг, привлекая к себе максимальное внимание. Поддержат орудия Богаевского. С востока выдвинется генерал Эрдели. Его конники на станцию врываться не станут, только пройдут по краю. То есть, Эрдели и Боровский оттянут на себя основные силы большевиков. И тогда с запада со всей сокрушительной силой ударит полковник Дроздовский. Красным не останется ничего другого, как спасаться бегством на север. Здесь, у полустанка Шаблиевка, их встретит генерал Марков и окончательно добьет картечью и ружейным огнем. Донцы атамана Краснова блокируют дорогу от Тихорецкой к Торговой, по которой большевики

могут попытаться перебросить подкрепление. Если такового не будет, нанесет упредительный удар по северу станицы. Потом отойдет к захваченной уже нами станции Торговой.

Краснов поднялся, поправил фуражку, оббил синие галифе нагайкой.

– А уж это мне предоставьте самому решать, как действовать при атаке на станицу, господа.

На улице опять завели пластинку с «Боже царя храни».

Это почему-то сильно нервировало атамана. Он быстрым шагом пробрался между столом и сидевшими офицерами к окну, распахнул его, чуть не разбив стекла, закричал на солдата, крутившего граммофон:

– Пошел вон, дурень! Шомполами запорю! – И уже офицерам. – Ну и порядки у вас тут, господа офицеры, никакой дисциплины и уважения к командованию. Черт знает что.

С этими словами, атаман Краснов ни с кем не попрощавшись, вышел из штаба. За ним поспешил генерал Богаевский.

Вскоре откланялись и остальные. В штабе оставались командующий Деникин и полковник Васнецов.

– Что ж, Антон Иванович, перейдем к следующему, особо важному делу, – сказал начальник контрразведки, хлопнув себя по коленям, когда все удалились.

– Пожалуйста, Павел Николаевич.

Васнецов позвал адъютанта командующего, велел пригласить в штаб ротмистра Бекасова, который уже ждал за дверью. Тот вошел, лихо отдал честь, вытянулся во фрунт. Правда, от Васнецова не ускользнуло, что ротмистр слегка поморщился.

– Как ваше здоровье? – спросил полковник, медленно обходя Петра Ильича со всех сторон и внимательно рассматривая, будто коня на рынке.

– Благодарю, господин полковник. Я здоров.

Ребра у Бекасова еще побаливали после рейда по тылу красных. Тогда он получил пулю, которая по счастливому случаю застряла в металлической фляге с коньяком, но сломала два ребра. Медсестры сделали невероятное – залечили трещины какими-то мазями за неделю. Правда, все это время пришлось проваляться в госпитале. А когда вышел, узнал, что получил назначение в отдел контрразведки полковника Васнецова. Проводил допросы пленных, переписывал какие-то бумаги, касавшиеся биографии офицеров-добровольцев и уже потихоньку начал сходить с ума без живого дела.

Сегодня же Васнецов приказал ему быть у штаба ровно к полудню и ждать когда его позовут. Его якобы ждет особое поручение. Какое именно не сказал и с утра Петр Ильич томился ожиданием.

И вот теперь он стоял перед командующим армией Деникиным и своим шефом, который прекрасно знал о его выздоровлении, теме не менее задавал вопрос о самочувствии.

– Один из лучших моих сотрудников, – представил полковник Бекасова, не сводя с него тяжелого, буравящего взгляда. Наконец все же отвел глаза, прошел к столу, сел, закинув нога на ногу, вынул папиросу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.